

INSPIRIA

Они могут распутать преступление, вот
только он — пациент психбольницы,
а она мертва

НЕНАДЕЖНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

МАРИЯ СКРИПОВА

INSPIRIA

Ток. Пациент. Психиатрический триллер

Мария Скрипова

Ненадежный свидетель

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Скрипова М.

Ненадежный свидетель / М. Скрипова — «Эксмо», 2024 — (Ток.
Пациент. Психиатрический триллер)

ISBN 978-5-04-199079-4

Никому нельзя доверять. Особенно себе. Вот уже пять лет Григорий Макаров – пациент психиатрической больницы. Как бы его ни убеждали, что все это – бред, фантазия травмированного разума, он знает: монстры существуют. Они живут среди нас. Одна из этих тварей забрала его дочь. Тогда ему никто не поверил, а теперь следствию нужна его помощь, иначе еще две девочки погибнут так же, как она.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199079-4

© Скрипова М., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мария Скрипова

Ненадежный свидетель

Глава 1

Газета

Муха... Эта муха вторую ночь не дает покоя! Сколько уже можно жужжать?! Камера пыток с белыми кожаными стенами, расцарапанная особо буйными заключенными. Нет, это не тюрьма, это место намного хуже. Место, отнимающее твою жизнь, рассудок, обычные человеческие потребности. Попав сюда, ты уже сам не можешь решать, что тебе носить, когда бриться, причесываться. Еда, сон, прогулки... Все по расписанию. Ты как собака на привязи, которую то и дело пытается усмирить хозяин за громкий лай. А хозяев здесь много, каждый санитар смотрит с пренебрежением, превосходством. Они лучше таких, как мы, – психов, которых общество сочло слишком опасными, чтобы держать на воле. Но самое страшное, если ты попал сюда, каждое твое слово считают бредом, ставят под сомнение любые поступки и решения. Пытаются пробраться в твою голову, доказать, что все это нереально. Но я, Григорий Макаров, знаю, что видел... Я не сумасшедший, и они не смогут убедить меня в обратном.

– Пап, – раздается звенящий детский голосок. – Если ты снова перевернешь поднос с лекарством, санитары закроют тебя еще на один день в изоляторе.

– Не переверну, – обещаю я, хоть и зря. От таблеток становится только хуже, сознание расплывается, и ты даже слюни сам себе подтереть не можешь. Но Люську, дочку, не переспорить – вся в отца, такая же упрямица. – Что ты нарисовала?

– Девочек, – улыбается, протягивает листок прямо под нос. И вправду, две девочки на лесной тропе, поваленные деревья и переплюйка, заросшая камышами. – Это Вика и Ника.

– Это одно и то же, – сдуру ляпнул я.

– Нет, они сестры, – обиделась, губы надула Люська. – Ничего ты не понимаешь!

– Почему они гуляют в лесу одни? Где их мама и папа? – интересуюсь, пытаюсь ее растормошить. Дочка молчит, глаза опустила. Что-то не так... Я видел уже этот лес, эти деревья, знакомое место. – Люся, кто эти девочки?

Дверь в изолятор открывается, на этот раз не санитар. Павел Степанович Окунев, лечащий врач, благодаря которому я все еще здесь. Доложили о том, что я учудил вчера, не иначе. Погром в столовой и отказ от лекарств. Психов настроить легко, главное, подход. Но для топ-менеджера по продаже люксовых машин – рутинная работа, не требующая особых усилий. Куда сложнее наладить работу пираний, так и норовящих оторвать денежный мешок друг у друга. Да... Жизнь до психушки была не такой. Я был успешен, летел по карьерной лестнице вверх. После пельменей в общаге института только начал привыкать ко всей этой роскоши. Новая машина, нет, не люкс класса, так, «Фольксваген Джетта». Но после стольких лет в метро ощущать запах нового пластика, качественной кожи, заливать 95-й, напоказ крутить в руке брелок... Понты? Нет! Кого можно удивить средним сегментом, да еще и в 30 лет? В Москве каждая третья машина дороже пятака выходит. Но черт! Какое же это было чувство, эйфория мальчишки, который всю жизнь мечтал сесть за руль «немца». Сомнительно? Ну, что есть. А купленная двушка в новом районе? Друзья в аут улетели, когда застройщик ключи выдал. Но было и то, что напоказ я не выставял: красавица-жена и дочь, Люська... Две самые главные женщины в моей жизни.

– Григорий, вы меня слышите? – уже не первый раз обращается Окунев. – Григорий, Гриш, с кем вы разговаривали?

– Ни с кем. Скучно, док, в изоляторе, вот и пытаюсь скоротать время. Песни петь не запрещается? «Медленно минуты уплывают вдаль, встречи с ними ты уже не жди. И хотя нам прошлого немного жаль, лучшее, конечно, впереди», – горланю я, мотая головой. Дочка ухохатывается, но я держусь, продолжая распевать: – «Скатертью, скатертью дальний путь стелется...»

– Должно быть, Люсе очень нравится, когда вы поете? Это ее рисунок? – заметив картинку дочери, спрашивает Павел Степанович. – Кто это?

– Мой, рисовать люблю. А это Вика и Ника, сестры, родители у них недалекие, так и назвали, – язвлю я. Док единственный, кто может меня отсюда выпустить. Язык бы за зубами держать. Но как же я устал от этих разговоров, он считает меня чокнутым, да и сам я потихоньку начинаю сходить с ума в этом гиблом месте.

– Интересно, – задумчиво, но с любопытством смотрит на меня Окунев, что-то опять черкает в своем блокноте. – К вам сегодня уже кто-то заходил? Может быть, оставляли газету?

– В изолятор? – Насмешил так насмешил, это место не для посещений, а о газетке только мечтать остается. Да и вопрос странный, газета? С каких пор психам позволено читать газеты? Политическая ситуация, войны, эпидемия, что еще нужно больным шизофреникам, где каждый второй себя считает чуть ли не самим дьяволом или ангелом господним. Док удивляет, достает из кармана свежий вестник, протягивая мне. Сам молчит, внимательно изучая мою реакцию. Первая страница, две пропавшие семилетние девочки. Ника и Вика... Лучшие подружки, называющие себя сестрами.

– Люся... Откуда? – вырывается у меня, и это непоправимая ошибка. Два месяца приговора коту под хвост, и выписка моя опять откладывается на неопределенный срок. Наверное, уже никогда не выйду, просто сойду здесь с ума.

– Эти девочки пропали вчера, по пути из школы домой. Их похитили. Так же, как похитили Люсю, пять лет назад. Григорий, вашей дочери здесь нет. Она мертва.

– Они ее убили! – Отчаянье, боль... Я еле держусь, чтобы не взорваться. Но он ошибается, меня не нужно убеждать, что Люся мертва, я сам дважды хоронил ее. Первый раз, когда вся семья оплакивала маленький гроб, и во второй, когда разворошил могилу и пытался сжечь тело своей дочери. Впрочем, именно поэтому я здесь. Но Люся не плод большого разума, не фантазия. Она застряла – призрак, который по какой-то причине не может уйти.

– Григорий, вы были там, первым нашли тело дочери. Здесь полиция. И им нужна ваша помощь, пока не стало слишком поздно. Как с Люсей, – положив руку на плечо, вздыхает док. – Вы можете поспособствовать спасению девочек. Нике и Вике столько же лет, сколько было и вашему ребенку.

В изолятор заходят двое. Мужчина и женщина в гражданской одежде. Опять эти расспросы... Что в них толку? Чтобы я помог, они должны верить в весь тот бред, который я несу. Какой же чертов парадокс, они пришли поговорить, но даже в суде показания психов не могут быть приобщены к делу.

Дочка гостей изучает, побалтывает ногами. Женщина, нет, девушка лет 20, должно быть, стажер, не иначе. Стройная, смазливая брюнетка. Красивая, на жену мою походит, только та блондинка. Одеты, как подросток, джинсы, кеды, серенький свитер, поверх которого золотой кулон в виде бабочки. Но макияжа почти нет, разве что большие зеленые глаза, подчеркнутые подводкой, и легкий слой пудры, придающий и без того соблазнительной коже бронзовый цвет.

Мужчина значительно старше. Недавно проступившая седина на висках, тяжелый, усталый взгляд, морщинистое лицо. Я его знаю, именно он вел дело моей дочери. Следовательно, который упрятал меня сюда.

– Григорий Константинович, – заговаривает он. – Вы меня помните? – Я только усмехаюсь. Может, я и псих, но его забыть уже при всем желании не смогу. – Вы знаете, сколько уже здесь?

– 1806 дней, – с ходу выдаю я. – Четыре года, одиннадцать месяцев и десять, нет, одиннадцать дней. Пять лет назад они убили и похитили мою дочь. Я знаю, зачем вы здесь. Вика и Ника... Они пропали вчера после школы. Так?.. Значит, эти твари опять вышли на охоту. Что ж, удачи. Может, на этот раз вам удастся не облажаться.

– Помогите нам, вы смогли найти дочь, видели похитителей, – вмешивается брюнетка. Наклоняется. Слишком близко, настолько, что я чувствую ее прерывистое дыхание на щеке. Глупая! Первое, второе дело – и уже психушка? Куда начальство смотрит?! Здесь полно маньяков, которые с радостью вцепятся в тонкую изящную шею с ложбинкой над ключицами, маняще прикрытую теплым свитером. Отворачиваюсь, к такому не готов... Мы здесь не лучше заключенных, пять лет – нескончаемо длинный срок.

– Девочки действительно пропали, – раздраженно выдыхает следователь, по всей видимости, молоденькую сотрудницу навязали, не спросив. – Григорий, мы с вами тяжело расстались в прошлый раз. Я понимаю, что вы пережили. Врагу не пожелаешь хоронить своего ребенка. Я виноват перед вами, виноват перед вашей женой...

– Бывшей, – не сдерживаюсь я. Дочка с осуждением смотрит, глазенки опустила. Не любит этой темы. Не вышло долго и счастливо, не смогла жена простить того, что я раскопал могилу... Что пытался сжечь тело. Не смогла понять, что это была уже не наша малышка. Чудовище, в которое превратили ее эти твари! А потом, весь тот бред, который я пытался донести, будучи уже здесь. Она не виновата, кто бы смог поверить? Я бы не смог, если бы не видел это собственными глазами.

– Бывшей женой, – исправляется следователь. Смотрит с неподдельным сочувствием, даже жалостью. Понимает, гад, что жизнь сломал.

Все было продумано до мелочей, никто не должен был узнать, что я собираюсь сделать. Свежевскопанная земля дала усадку, наутро бы никто и не догадался, что могилку раскапывали. Я даже Люськину игрушку любимую взял, чтобы вместо дочери в гроб положить... Все гладко шло. Жутко, это да! Тело дочери из земли вытаскивать. Но нельзя было иначе. Иначе она бы стала одной из них! А потом эти сирены. Оказалось, Афанасьев за мной слежку организовал, приглядывал за скорбящим отцом, благодетель! А дальше участок, мои рассказы. Каким же идиотом я был! Думал, что после всего, что было, они поверят. Бред! Но признаю, следователь – хороший актер, удачно изобразил участие. И все как по сценарию, слезы жены, суд, и вот я здесь, через пять лет сижу лицом к лицу с тем, кто упрятал меня в психушку.

– Я уже рассказал все, что видел, – не даю продолжить я. Виноват? Да! Он обещал найти мою девочку, спасти! И что в итоге? Я потерял не только дочь, но и жену! Злость накрывает. Зачем он пришел? Слушать бред умалишенного больного, думает, что я скажу что-то другое?

– Вы видели монстров, так? – черкая в блокноте, напряженно спрашивает следователь. – Как вы их называли?

– Я сумасшедший, товарищ капитан, – усмехаюсь. – Разве не потому я здесь? Спросите у дока, если остались сомнения.

– Две девочки пропали, и им сейчас страшно, больно, а вы ерничаете, – вмешивается брюнетка, пронзая холодным взглядом. Кулаки сжаты, глаза прищурены – нет, она не стажер, и ей точно не двадцать. Она старше, чем выглядит, и намного красивее, чем показалось вначале. На глаза опять попадает кулон-бабочка... Он кажется знакомым. Я уже видел этот кулон... Но не могу вспомнить где. – Помогите нам их найти, две семьи сейчас переживают то же, что испытали вы, – указывает на фотографию. – Вика и Ника, посмотрите на них! Им столько же лет, сколько было вашей девочке!

– Дионеи, – укор подает, и я отвечаю на вопрос.

– Венерина мухоловка, это я помню. Но почему цветы? – Я пожимаю плечами. Следователь перелистывает блокнот, открывая старые записи. – «Они выглядят как девушки. Поразительно красивые девушки. Но это монстры. Тело покрыто серым хитином, длинные конечности, когти, в глаза невозможно смотреть, кружится голова», – зачитывает он. Я молчу, мои слова. Действительно, как после такого не упрятать в психушку? – Григорий, вы описывали их так, вы это помните?

Помню... Такое невозможно забыть, но реальность начинает выпадать, погружая в воспоминания. Таблетки! Чертовы таблетки... Сколько можно повторять доку, что от них становится только хуже!

– Григорий Константинович, – зовет док. Бесплезно, терапия помогает, болезненные воспоминания закрыты глубоко в подсознании. Вот только для дела я теперь не более чем кусок мяса. Разум затуманен, реальный мир расплывается перед глазами. – Пациент на нейрорептиках, он мало чем сможет помочь, – поясняет Окунев. – Роман Михайлович, Макарову поставлен диагноз шизофренический делирий, фантастически-иллюзорный онейроид. Его разум переворачивает фрагменты реального мира, смешивая с фантастическими представлениями.

– Снимите его с терапии. Если необходимо заключение суда, я достану, – улавливаю я слова следователя. Да, док, сними меня с этих колес, я должен соображать, чтобы выбраться отсюда. Эти дети – мой шанс.

– Роман Михайлович, вы должны понимать, что галлюцинации, вызванные болезнью...

– Послушайте меня, доктор. У меня две пропавшие девочки, няня которых утверждала, что видела нечто подобное. Сегодня утром она повесилась в своей комнате. Макаров – единственный, кто сейчас может помочь отыскать их живыми. Именно он пять лет назад нашел тело дочери. В тот раз было слишком поздно. Мне плевать, какие черти живут в его голове, если будет нужно, я первый протяну им руку, – рычит следователь. – Вам пришлют решение суда по факсу, спасибо за содействие следствию.

– Роман Михайлович, причину аналогичных галлюцинаций можно объяснить психостимуляторами и схожестью определенных образов, – вылетая за Афанасьевым, парирует док.

Брюнетка мягко улыбается, фотографию детей пододвигает.

– Им нужна помощь, и у нас с вами осталось очень мало времени, – мягко, почти шепотом произносит она, покидая изолятор с белыми кожаными стенами.

Глава 2

Фарфоровая кукла

Зеленые деревья с проглядывающей красно-золотой россыпью. Слепящие лучи солнца, от которых приходится закрываться рукой, мелькающая карусель. Это детская площадка в соседнем дворе, за ней парк с березовой рощей, упирающийся в реку. Я узнаю ее из сотен других. Мы часто гуляли здесь с дочерью. Днем в этом месте всегда полно детей, но сейчас никого. Зачем я здесь? Это сон? Тогда почему я осознаю все, что происходит? Смех привлекает внимание, в песочнице кто-то есть. Люська, моя Люська. Темные волосики каштанового отлива, заплетенные в косы. Тонюсенькая шея и зеленое платьице в цветочек, с плотным белым воротничком. Стоп! У Люськи не было такого платья! Это не моя дочь. Девочка сидит спиной ко мне. В руках кукла, старая кукла, таких сейчас не делают. Фарфоровая голова и тряпичное тело. Такие игрушки опасны для детей, можно пораниться.

– Вика, ты опять спряталась! Я больше не играю! – поворачивается малышка. Одна из пропавших девочек. Боже! Как же она походит на Люську! Такая же большеглазая, только челка все портит, у дочки ее нет. Не было... Смотрит прямо на меня, прижимая куклу к груди. – Пряничный домик, няня читала нам эту сказку... Здесь холодно и темно. И Вика, она мне больше не отвечает. Мне страшно. Я хочу к маме и папе. Ты отведешь меня к ним?

– Отведу. – Опускаюсь на колени, протягиваю руку. – Пойдем со мной. Не бойся... – Она доверчиво хватается за ладонь. Я не могу ее подвести, не имею права. Но куда идти? Вокруг нет ни одного дома, только площадка и березовая роща. Выбора нет, с другой стороны парка проход на набережную. Девочка едва плетется, приходится взять ее на руки. Мечусь, кажется, я уже в сотый раз прохожу одно и то же место. Парк небольшой, за это время я не раз обошел его вдоль и поперек. Здесь нет выхода. Ночь сменяет день, грозовое небо, капли дождя. Я устал, больше нет сил...

– Мы заблудились? – спрашивает меня Ника. – Я больше не увижу маму и папу?

– Я тебя найду. Вас обеих... Обещаю, – выдыхаю я, ставлю ребенка на землю. Девочка опускает глаза, на земле ее кукла с разбитой головой. Вот же напасть! Такие игрушки опасны для детей, о чем только родители думают! Ника поворачивает ладошки ко мне, показывая впившиеся осколки.

– Гензель и Гретель, няня читала нам эту сказку, – повторяет она. – Пряничный домик...

Картина растворяется, детская площадка, деревья, все исчезает. Я снова в этой чертовой палате. Сон, это был только сон, но я еще помню запах берез, капли дождя на лице и тепло маленькой ручки, доверчиво сжимающей мою ладонь.

– Пап, ты был в нашем парке, с березками? – спрашивает Люська. Поворачиваюсь к дочери: на меня не смотрит, черкает что-то на листке. Ей было так же страшно, как сейчас той девочке. И она так же ждала маму с папой. Надеялась, что я ее найду! Но я подвел... Не спас своего галчонка. Эмоции накрывают, без таблеток все ярче, та же боль, как пять лет назад. За эти годы я должен был бы смириться, пережить эту стадию. Больница изменила восприятие, притупила чувства. Здесь нет времени. Я похоронил дочь не 1806 дней назад, а вчера, и это разъедает изнутри, гложет, возвращая душасщие воспоминания. Док предупреждал, что будет отходняк, красиво называя его «синдромом отмены».

– Ты тоже была там? В парке, когда тебя забрали, – осторожно спрашиваю я. Люся мотает головой, но говорить не хочет, закрылась, колени под себя поджала. Что я за отец такой? Так ни разу и не узнал, что она чувствовала там, что пережила. Наверное, думал, что могу ранить, заставить вспомнить, но она и так все помнит. Отговорка. Я сам боялся услышать то, что происходило с моей девочкой, что с ней делали эти чудовища. – Галчонок... – Осознание накры-

вает. Три дня без таблеток, и начинаю размышлять трезво. Люська мертва, я сам ее хоронил! Что, если то, что я вижу сейчас, и есть плод моего воображения. Если я действительно болен? Меня сняли с терапии, значит, продвижения в деле нет. Но если врачи правы, то своим бредом я только сильнее запутаю следствие. Отниму драгоценное время у пропавших девочек. Парадокс лечения... Пять лет ежедневной терапии я пытался убедить весь мир, что не псих, но стоило врачу снять меня с таблеток, и я сам уже не до конца уверен, что весь мой бред – не плод игры больного разума.

– Григорий Константинович, к вам следователь. – В палату зашел док, заинтересованно переключив взгляд на рисунок. – Художничаете?

– Нечем себя занять, – вру. Впрочем, в больнице это сложно назвать ложью, делать нечего. Но чтобы взрослый мужик детские картинки рисовал?! Идиотизм. Про дочку приходится помалкивать, не хватало еще, чтобы терапию вернули. Взгляд сам падает на картинку. Вот же черт немытый! Кукла, что у девочки была, в парке. Откуда Люське знать? Она не была в моем сне. Может быть, Павел Степанович и в этом прав, я сам художничаю, не осознавая своих действий. Второй раз за день усомнился, что дочка настоящая. Для нее это предательство. А для меня? Может, это путь к исцелению? – Док, я не могу... Я не уверен.

– Не уверены в чем? Не уверены в своих видениях, воспоминаниях? – интересуется врач. Киваю, но сказать нечего. Галчонок с обидой смотрит, губы надула, едва не плачет. А вот док заинтригован, явно не собирается пускать следователей, пока мы не поговорим. – Гриша, пропали две девочки, у них не так много времени. Если пустить полицию по ложному следу, их не успеют спасти. Вы понимаете это? Ваша дочь погибла, это трагедия, невосполнимая утрата, – продолжает давить он. – Это травма, вы видели ее убийц, чудовищ, сотворивших зверство. Но эти чудовища такие же, как мы с вами, из плоти и крови. Они люди. Мозг человека устроен так, что должен нас защищать, понимаете? Нейроны вычеркнули из памяти тех, кто сделал это, заменив на более подходящий образ киношных монстров. Григорий, за пять лет у нас с вами не было прогресса, но сейчас...

Дверь с шумом открывается, следователь прет, как танк, даже двое санитаров остановить не могут. Недовольный, злой, с моим врачом отношения у них не заладились, интересы разные, только ключевое звено, выходит, я. Следом проскальзывает брюнетка, и опять этот кулон попадает на глаза. Даже вырез на блузке внимание не привлекает, только кулон. Да что с ним не так? Почему он не выходит из мыслей?

– Если вы будете препятствовать следствию... – рычит мужчина. Следователь не робкого десятка, высокий, крепкий, на медведя походит. А док... Заяц! Хлипкий, сутулистый, с округлившимися глазами. Картинка из мультика, только название вспомнить не удастся. Люська его любила. Там еще девочка есть, маленькая в платочке. Я действительно сумасшедший, раз сейчас думаю о таком.

– Роман Михайлович, выслушайте. За пять лет у нас впервые наблюдается прогресс. Макаров начинает осознавать, что его галлюцинации – это набор измененных зрительных образов. Этот человек болен, он не сможет помочь вам найти похитителей, а ваше пребывание здесь только усугубит и укоренит фантастический мир, нарисованный возбужденным разумом. Эта дорога в никуда. Психически неуравновешенные люди цепляются за определенные факты, подкрепляя свою теорию недоказуемыми свидетельствами. Фотографии следов йети на снегу смогли убедить сотни тысяч людей, что снежный человек существует. Несмотря на то что до этих снимков слова местных жителей, утверждавших, что они видели в горах мохнатого человека, считали аномальными.

– Роман, посмотри на рисунок, – отвлекает брюнетка. Взгляд следователя падает на листок бумаги. И откуда такое удивление? Да, странно, когда взрослый мужик детские картинки рисует, но на то это и психушка.

– Макаров мог выйти за периметр больницы? – хриплым голосом обращается к доку следак.

– Роман Михайлович, у нас закрытая психиатрическая лечебница, а не санаторий курортного типа. Пациенты не покидают территории больницы.

– Мне нужны имена посетителей, всех, кто за последнюю неделю навещал больного, – сверлит меня взглядом следователь. Что это еще за поворот? Он подозревает меня? Что ж, как и в прошлый раз, когда он обвинял меня в похищении собственного ребенка. Если тогда алиби было сомнительное, со слов жены, то сейчас не поспоришь. Пять лет я не покидал этих стен. Если экспертного мнения дока покажется недостаточно, то запись с камер видеонаблюдения развеет оставшиеся сомнения.

– Роман Михайлович. За пять лет вы первый посетитель Макарова.

– А жена? – обескураженно уточняет Афанасьев. Павел Степанович молчаливо качает головой, а что тут еще скажешь? Больно, кортиком в сердце, но док прав, жена не пришла, даже когда подала бумаги на развод. Я здесь один, 1806 дней... Кроме Люськи, у меня больше никого нет.

– Мне жаль, – тихо, с неподдельным сочувствием подает голос брюнетка. Какая же красивая девушка, и волосы, должно быть, очень мягкие. Наваждение, как же хочется прикоснуться, пропустить сквозь пальцы хотя бы прядь. Вдохнуть тонкий, цветочный аромат, а пахнуть она должна именно так, я в этом уверен. Черти! Не могли прислать со следователем кого-то постарше, лет так на тридцать, а лучше и вовсе мужского пола. Выдыхаю, стараясь взять себя в руки, но стоит только посмотреть на нее, и все летит в бездну.

– Павел Степанович, оставьте нас наедине, – отрезвляет голос Афанасьева. Доку возразить нечего, в этот раз следователь собрал все необходимые бумажки, чтобы быть здесь. Препятствие чревато. Окунев ободряюще хлопает меня по плечу, выходя из палаты вместе с санитарями. – Григорий, кукла на вашем рисунке принадлежала одной из пропавших девочек. Нике. Ребенка похитили вместе с ней. Где вы ее видели? Вам кто-то показал? Санитары, врачи, медсестры? Может, фотография, случайно выпавшая из кармана, или кто-то из пациентов рассказывал о ней? Попытайтесь вспомнить, сейчас это очень важно.

– Где их похитили? – перехватываю инициативу.

– Няня гуляла с ними на набережной, – отвечает брюнетка. – У нас нет ни одной зацепки, никаких следов.

– Набережная? – Девочки не могли пропасть на набережной. Слишком много людей, эти твари так не охотятся. Следователь кивает, пристально изучая меня. Удивлен, озадачен? Странная реакция. – Это няня сказала? Что их похитили там? Нет... Не может быть. Вечером там слишком много народу. Дионеи выбирают уединенные места, там, где есть отход. Такие, как парк. – Вспоминаю сон, детская площадка, березовая роща. Напротив... Набережная! Я видел место похищения? Но откуда...

– Парк, они похитили их там, – не подумав, выдаю я. – Знаю, как это звучит со слов психа... Но это не набережная, это парк! – Меня начинает колотить, встаю, мечусь по палате. Свет от лампы по глазам бьет, голова гудит, зажимаю уши руками. Фоточувствительность, возбудимость, я болен. Точно болен. – Нет... Я псих! Псих, понимаете? Меня нельзя слушать, это бред! Это даже не мой рисунок, дочери. Я не могу помочь. Уходите!

– Папа, как же Ника и Вика? – Люська хватает меня за руку. – Они умрут! – В голубых глазенках слезы. Не могу видеть, как она плачет! – Как я... – Кажется, я чувствую ее прикосновение, чувствую, как маленькие пальчики цепляются за меня. Но как можно чувствовать призрака? Даже с паранормальной точки зрения это невозможно. – Ты должен им помочь, ты обещал Нике!

– Прости малышка, я не могу, – дотрагиваясь до щеки дочери, мотаю головой. Для следователей это должно быть дико. Ничего, это психушка, место, подходящее для таких, как я.

– Вы с дочерью говорите? – спрашивает брюнетка, глядя прямо на Люську. – Гриш, вы должны нам помочь найти девочек. Почему парк? Это Люся говорит вам о нем?

– Григорий Константинович, – следователь раскладывает карту на столе, пальцем указывая на точку возле реки. – Здесь предположительно похитили девочек. В пешей доступности два парка, их проверяли с собаками. Следов нет. Если вы утверждаете, что это парк, покажите его на карте. Я лично проверю это место.

– Поверите сумасшедшему? – мотаю головой, усмехаясь. – Куклу нарисовала Люська. Моя дочка, и да, я знаю, что она мертва! А парк – это сон, я видел его во сне, видел Нику в зеленом платье с белым плотным воротничком. И даже сейчас дочка умоляет помочь вам, а я не знаю, могу ли верить самому себе! Уходите! Вы должны искать девочек! Может, на этот раз вам повезет больше... Оставьте уже меня в покое, я болен!

– Я не говорил, как были одеты девочки, – выдыхает следователь. – Говорите, что дочка просит помочь? Так помогите. Укажите парк, если там ничего нет, даю слово, больше вас не побеспокою.

– Галчонок, – смотрю на свою малышку. – Я помогу, но я должен быть уверен. Расскажи мне то, что я не знаю, то, что можно проверить. Я очень тебя люблю, но должен удостовериться, что ты настоящая, что ты здесь.

– Почему ты мне не веришь? – обижается Люська, нос морщит, ручки скрестила, на меня не смотрит. Давно я за ней таких протестов не замечал. – А ты ругаться будешь? – спрашивает она, и я мотаю головой. Что бы она ни сделала, как я могу на нее ругаться? – Музыкальная шкатулка, которую ты мне на день рождения подарил, я ее сломала. Случайно, она сама упала... Ты бы стал ругаться, и я не сказала ни тебе, ни маме.

– И что ты с ней сделала? – улыбаюсь я.

– Спрятала, чтобы ты не нашел, – отвечает Люська. – Она за вентиляционной решеткой, за моей кроватью.

– Значит, за решеткой? – уточняю я, малышка кивает, виновато опустив глазенки. Перевожу взгляд на Романа Михайловича с брюнеткой. Следователь терпеливо, с неким любопытством ждет, наблюдая за моим диалогом с воздухом. Спектакль в психбольнице, и билета покупать не надо. – Я покажу, где парк, но при одном условии. Вы дадите мне позвонить жене, сейчас.

Афанасьев молча достает телефон, протягивает мне. Не ожидал, что так быстро согласится. Он и представить не может, как долго я ждал этого разговора...

– Пять минут, – уточняет он. – Твой врач меня явно за это по головке не погладит...

Благодарно киваю, набирая до боли знакомые цифры. Гудки, и нежный голос моей Аленки...

– Да. – Молчу, сердце щемит, по телу холодный пот, слова выдавить не могу. – Я вас слушаю.

– Ален, – хрипло, через силу выдаю я. Не сменила номер, моя девочка. Как сильно я по ней соскучился. – Это я. – Она не сразу узнает мой голос, но уже догадывается, кто это.

– Гриша. Гриша... – повторяет. – Зачем ты звонишь, тебе доктор разрешил? – На заднем фоне раздается детский голосок. Откуда в нашем доме ребенок? – Прости, мне нужно идти...

– Кто это? – грубо выдаю я, наверное, зря, она не заслужила.

– Мой сын, Гриш, прости, – отвечает Алена. – Мне правда пора, прости...

– Подожди, пожалуйста, – прошу я. – Ты можешь сделать для меня кое-что? В комнате нашей дочери, за кроватью, открой вентиляционную решетку. Там должна быть шкатулка, которую я подарил Люське на ее последний день рождения. Она сломана, посмотри, там ли она.

– Это опять твои фантазии? Тебе это Люся сказала? – не выдерживает жена. Бывшая жена... – Господи, Гриша... Я не могу снова все это пережить! Наша дочь мертва! Не заставляй меня...

– Алена... – пытаюсь остановить. Как я виноват, сколько всего хочу сказать. Но следак не дает, забирает телефон.

– Алена Игоревна, это следователь Афанасьев Роман Михайлович. Мы с вами уже встречались по поводу пропавших девочек, ваш бывший муж нам в этом помогает. Я вас прошу, поищите шкатулку, это может нам помочь в расследовании.

– Гриша болен! Я не могу ничем вам помочь. И оставьте вы уже нас в покое, сколько можно...

– Алена Игоревна, две девочки сейчас...

– Не смейте! – останавливает она. – Только не вы! Вы должны были спасти нашу малышку, но не сделали этого! То, что Гриша в психушке, ваша заслуга! Вы и без этого разрушили наши жизни, хотя бы сейчас оставьте нас в покое... В конце концов, это ваша работа!

Следователь молча собирает бумаги со стола, но я его останавливаю. Сделка есть сделка, свою часть он выполнил. А то, что Аленка не хочет говорить ни со мной, ни с ним, вина только моя. Я должен был оберегать свою семью и не справился. Теперь эту роль выполняет кто-то другой...

– Это место, – тычу пальцем в березовую рощу. – Я видел это место. Жители называют его парком, но на карте он не отмечен, вы его не проверяли.

Роман Михайлович протягивает руку, жму – не такой он и плохой мужик. Да, дочку не спас, но по глазам вижу, жалеет, гложет его это, так же, как и меня.

Глава 3

Музыкальная шкатулка

Роман еще раз прошелся по детской площадке, тяжело вздохнув. Макаров оказался прав, опять. Он уже и сам был готов поверить в бредни сумасшедшего, глядя на розовую ветровку, брошенную в домике под горкой. Дети были здесь, похоже, именно отсюда их похитили. Няня не смогла дать четких показаний, женщина была то ли в шоке от увиденного, то ли кукушка поехала. Одни слезы и сопли, от которых в деле не бывает пользы. Пришлось прекратить допрос, а наутро она уже была мертва. Повесилась в спальне, на своих чулках. Дети никогда раньше не отходили так далеко от дома. Предположительный маршрут составлялся со слов родителей и немногочисленных свидетелей, которые видели девочек в пяти километрах западнее. Березовая роща меньше одного гектара со старенькими качелями, песочницей и детским домиком с горкой даже в радиус поиска не была внесена. Но чертов Макаров указал на карте именно это место и сразу попал в яблочко. В такие совпадения Афанасьев не верил, но алиби пациента кристально чисто, выйти за пределы больницы он не мог, да и видеонаблюдение доказало слова дока. Посетителей за последний месяц у него не было, как и за все пять лет, проведенные там. Оставались врачи и медперсонал, но и здесь не нашлось зацепок. Даже проверка линии сотовой связи, по которой пробивали нахождение телефонов персонала больницы, ничего не выявила. Рядом с местом похищения был засечен только один сигнал. Санитар, Клюев Илья Викторович, 54 года. Алиби подтверждали более 20 человек. Да оно и понятно, спортбар, чемпионат мира и финал Россия – Канада. Итог прост – свидетелей нет, никаких зацепок, требований о выкупе, и только чокнутый папаша большеглазой девочки, которую он так и не смог найти пять лет назад.

Афанасьев напрягся, заметив подъехавший «Ягуар». Подполковник Кириллов и по совместительству дядя одной из пропавших девочек. Угрюмый, скрюченный мужчина сорока пяти лет в дорогом костюме вылез из машины и зашел за желтую линию заграждения.

– Товарищ подполковник, – кивнул следователь.

– Афанасьев! Почему я только из новостей узнаю, что найдено место похищения девочек? Мне сразу должны докладывать, при любом продвижении дела! – прорычал он, кутаясь в пиджак под морозящим дождем. – Если Вероника не вернется домой...

– Аркадий Петрович, мы делаем все, что в наших силах, – уравновешенно ответил следователь. Полицейский прервал беседу, показывая разбитую фарфоровую куклу в полиэтиленовом пакете.

– Обнаружили напротив качелей, между берез. На нижней части платья куклы биологические следы коричневого цвета, предположительно кровь, – доложил молодой человек в дождевике.

– Собаки взяли след? – уточнил следователь.

– Нет, два дня дождь льет, – почесал затылок полицейский. – Смыло.

– Значит, ищите лучше, и расширить периметр поиска, – хрипло приказал Кириллов, убирая руки в карманы. – Кто дал наводку? Отец погибшей девочки? Как там его... Макарин? – произнес Аркадий Петрович, обращаясь к Афанасьеву. – Алиби проверили? Он может быть причастен к похищению?

– Макаров. Он чист.

– Да хоть Печкин! Подключайте его к делу, если сами ни черта не в состоянии сделать. Афанасьев, не найдешь мою племянницу живой, сгноблю. Чтобы сегодня же Макаров был здесь. Тьфу, до чего докатились, экстрасенсы нашу работу выполняют!

– Макаров – не экстрасенс, он пациент психиатрической клиники, – пояснил следователь. – Не думаю, что будет целесообразно подключать его к следствию.

– А думать у тебя, Афанасьев, время было, ни одной зацепки! За Макарова головой отвечаешь. Ходить за ним будешь тенью, не хватало мне еще, чтобы у нас здесь псих свободно разгуливал.

– Я понял вас, Аркадий Петрович, – кивнул Роман. – Сегодня же займусь документами.

– Я сам этим займусь, – отрезал подполковник, уже садясь в машину. – Выполняй свою работу. Афанасьев, на этот раз мы обязаны найти девочек живыми.

Пренебрежительно окинув взглядом четырехэтажное белое здание с закрытой территорией, Афанасьев подошел к двери. На скамейке сидела блондинка с маленьким мальчиком 3–4 лет. Он узнал ее сразу, жена Макарова. За пять лет сильно изменилась, худая, бледная с темными кругами под глазами. Потеря дочери и мужа оставила свой отпечаток, не пощадив молодую, красивую женщину.

– Алена Игоревна? – подойдя к ней, позвал Афанасьев. – Здравствуйте, вы пришли к мужу?

– Нет, вы просили посмотреть шкатулку, – запахнув зеленый плащ, выдавила она. – Я ее нашла. Там, где сказал Гриша... Не знаю, как он мог узнать. – Она достала из сумки сломанную игрушку, протянула капитану. – Надеюсь, это вам поможет найти пропавших девочек. – Она взяла играющего с пистолетиком мальчишку за руку, еще раз посмотрела на постаревшего за это время следователя. – Роман Михайлович, не звоните больше, я сделала это только из-за пропавших девочек. У меня другая жизнь, я не могу допустить, чтобы призраки прошлого разрушили и ее...

– Алена Игоревна, вы... – хотел спросить Афанасьев.

– Простите, нас ждут, – отрезала Алена. – Егор, пойдем.

– Мам, а мы опять к дяде не пойдем, к котолону приехали? – заныл мальчик.

– Нет, милый, – посмотрев на следователя, заволновалась женщина. – Мы уже нашли того дядю, к которому приезжали...

– Неправда, ты говорила, что дядя в белом домике живет и не выходит оттуда, – возмутился малыш. – А этот дядя выходит!

– Это и есть этот дядя, Егор пойдем, – попыталась увести ребенка Алена Игоревна, но мальчик надул губы, отворачиваясь от матери.

– Кто тут маму не слушается? – присел на корточки перед мальчиком следователь. – А на полицейской машине хочешь прокатиться?

– Правда? На настоящей? – недоверчиво поинтересовался мальчуган.

– Самой настоящей, с мигалками, – подмигнул Афанасьев; Егор закивал, забывая обо всем. – Алена Игоревна, вы на машине?

– На такси, – пояснила женщина.

– Вот и славно, мои ребята довезут вас до дома. Спасибо, что приехали. Пойдемте, провожу вас до патрульной машины.

– Мама, мама! Мы поедем на полицейской машине! – захлопал в ладоши мальчуган. Алена Игоревна благодарно кивнула, забираясь с сыном на заднее сиденье.

– Спасибо, – кивнула она, закрывая дверь. Следователь проводил уезжающий патрульный автомобиль и пошел к старенькой «Шкоде Октавия». Еще раз посмотрел на музыкальную шкатулку. Стоит ли показывать игрушку Макарову? Нет, в этом даже врач согласится с ним на сотню процентов. Это только подкрепит фантазии и будет тормозить дело. Сейчас он нужен им для того, чтобы найти девочек, а значит, должен быть хотя бы наполовину вменяем. Да и как поверить в существование призрака? Григорий мог знать, где шкатулка, наткнуться случайно

или видеть, как девочка сама ее прятала. В экстрасенсов Афанасьев не верил, как и в монстров и всевозможных чудовищ.

– Вы хорошо ладите с детьми, – раздался позади голос психиатра. Павел Степанович поздоровался, пожимая руку. – Алена Игоревна с сыном часто бывают здесь, печальная картина.

– Вы говорили, что у Макарова не было посетителей, – недоумевающе свел брови Афанасьев.

– Так и есть. Алена Игоревна часто приходит сюда, сидит с сыном на скамейке, смотрит в окна, но так ни разу и не решилась навестить мужа. Я пытался ее уговорить, эта встреча пошла бы на пользу им обоим, но тщетно. Потеря дочери – тяжелое испытание, но им обоим нужно двигаться дальше, – медленно, вдумчиво ответил док.

– Если бы только потеря дочери, – выдохнул следователь. – Павел Степанович, вы получили распоряжение суда?

– Да, Роман Михайлович, мне пришли документы. Поймите, Григорий Макаров сражается с демонами, которые живут только у него в голове. Забирая сейчас его из больницы, вы перечеркиваете результаты пятилетнего лечения.

– Результаты? Макаров до сих пор разговаривает со своей умершей дочерью, рисует детские картинки и видит, черт знает что. Знаете, либо ваша терапия не помогает, либо я своими руками упрятал здорового человека в психушку!

– Вы вините себя в смерти этой несчастной девочки, эта трагедия сказалась не только на семье Макаровых. Вы вели дело.

– Стоп, док, не стоит применять свои психологические штучки ко мне. Я выполняю свою работу, а вы выполняйте свою. По решению суда я забираю Макарова, – перебил капитан, не давая продолжить. – Если все его слова бред умалишенного, через пару дней он вернется в клинику, и вы продолжите пичкать его препаратами. Но если он сможет помочь, то, возможно, мы сумеем спасти двух маленьких девочек. И вам, док, не придется лечить еще две несчастные семьи, которые оплакивают своих детей. Подготовьте необходимые бумаги, Макаров едет со мной.

– Что ж, раз я не могу вас переубедить, у меня связаны руки. Мой личный телефон, звоните в любое время, если с Макаровым возникнут проблемы, – протягивая визитку, вздохнул Окунев. – Это скользкий путь, постарайтесь сохранить рассудок и трезвый ум. Иначе, боюсь, вместо одного пациента с синдромом «шизофренический делирий», будет два.

– Вы мне угрожаете? – Афанасьев холодно посмотрел на психиатра.

– Ни в коем случае. Предупреждаю, что эта дорога может завести в дебри собственного разума, откуда очень непросто найти выход. Нет испытания более бесчеловечного, чем, лишившись рассудка, день за днем терять самого себя... – вздохнул док. – Документы уже подготовлены, пройдемте в мой кабинет. Так будет удобнее.

Глава 4

Пряничный домик

Зачем мне принесли одежду? Голубая рубашка с темно-серыми брюками и пиджак «американка», прямого кроя. Моя одежда, в которой я оказался в этом месте. Любимый костюм, счастливый, сколько удачных сделок в нем я заключил... Со счета сбился. Но в одном он мне помочь так и не смог, во время суда. Закрыли. И все же столько воспоминаний с ним связано. Подарок жены. У нас тогда денег не было. Только институт закончили, на работу не брали. Аленка официанткой устроилась, первую зарплату получила, все потратила, чтобы меня одеть. Даже за съемную квартиру нечем было платить. Я разозлился, идиот, до слез довел. Через пять минут пожалел, извинился, она простила, моя девочка, поцеловала и сказала, что все будет хорошо. Так и вышло, через пару дней устроился в автосалон. А потом покатило, за год поднялся до руководителя отдела продаж. Тошно, такое чувство, что все это была не моя жизнь, чья-то чужая. И сейчас этот человек приходит с работы, снимает костюм, а дома жена ждет с ужином, и дочка красавица, отличница. А Люська у меня такая и есть, упрямая, всегда добивалась того, чего хотела.

– Папочка, мы к маме пойдем? – радостно спрашивает галчонок. Вот что ей ответить? А она ластится, ко мне жметя, за руку хватает. Ей не понять, что мама не хочет видеть отца и поверить здоровым разумом в то, что Люська рядом, просто не в состоянии. Да и куда я отсюда уйду, разве что на прогулку в загон для умственно отсталых, которых никто за людей уже не считает.

– Григорий Константинович. – Заходит док, за ним молчаливый следователь. Недовольно на меня смотрит. Его понять можно, кто захочет с психом общаться. И что? Опять расспросы, бред, мне уже нечего ему сказать. – Санитар принес вам одежду? Вижу, что принес.

– Решили выписать? – усмехаюсь я. Конечно, нет, сам знаю. Но в чем подвох?

– Одевайтесь, Макаров, вы едете со мной, – отвечает следователь, и я впадаю в ступор.

Люська от радости подскочила, в ладоши хлопает. Как маленький вьюнок крутится, тараторит без умолку.

– К маме, к маме, мы поедem к маме!

– Вы нашли шкатулку? Она была в вентиляционной решетке? – Яремная вена на шее вздулась, пульс зашкалило. Вдохнуть не могу, грудины, горло сжало так, словно кто-то легкие вырвал. Пять лет я провел здесь, и что получается в итоге? Я не псих? Неужели даже док поверил во всю мою ахинею?

– Шкатулку? – переспрашивает следователь. – Ее не было там, где вы сказали. Мы нашли место похищения девочек. Это березовая роща, на которую вы...

– Как? – перебиваю я. Слова отрезвляют лучше ведра ледяной воды. – Алена посмотрела за вентиляционной решеткой? Она сломана, Люся ее сломала и спрятала. – Неужели все это время я разговаривал сам с собой, и эти рисунки, видения... Какого черта! Люся, моя Люся, ненастоящая? Ее здесь никогда не было?.. Она мертва, и вместо того, чтобы принять это, я выдумал проекцию. Идиот! Как мне не пришло в голову задать ей такой простой вопрос намного раньше! Получается, я не хотел отсюда выходить. На воле у меня больше ничего не осталось. Сам все потерял, сам виноват, мое место здесь.

– Григорий, девочек похитили на детской площадке, на которую вы нам указали. Но след взять не удалось, нам нужна ваша помощь.

– Помощь? Помощь кого? Чокнутого? С каких пор наша доблестная полиция прибегает к услугам умалишенных? – усмехаюсь. Хватит, пора все это заканчивать. Это мне нужна помощь, я болен и просто хочу выздороветь.

– Ваш IQ 185. В прошлый раз вы смогли найти свою дочь, для меня этого достаточно, – нервно сводит брови Афанасьев. – Помогите нам найти девочек, и даю слово, что вытащу вас отсюда.

– Слышали, док, – мотаю головой я. – Он слово дает! Я уже говорил, что ничем не смогу помочь. Я болен.

Вспомнил он про IQ 185... Я всегда мыслил нестандартно, непонятно для других. В школе меня чуть ли не гением считали, три класса проскочил. В институте с Аленкой познакомился, забил на всю учебу, и все равно красный диплом. Преподаватели будущее пророчили, второй Теренс Тао. Нет, это точно не мой путь, да и IQ у него повыше моего, он чертов гений по всем шкалам. Я с детства машинами увлекался, патологически, даже няня в садике называла это девиантным поведением, пугая бабу. Глупо, девиантное – это все, что отличает нас от общепринятых норм. Люди, сознательно отказывающиеся от гаджетов, самоизоляция общин, веганы – все это проявления девиантного поведения. Работа в автосалоне была моим осознанным решением. И да, я любил свою работу! Улыбаясь в лицо тем, кто считал, что я попросту растрачиваю свой ум. Нет в нем пользы, в этом я убедился уже очень давно. Был только один человек, принимающий меня таким, как есть, – Аленка. Но и она отвернулась, когда я включил свой мозг, абстрагируясь от общепринятых устоев.

– Пап... – подняла на меня глаза Люська. – Ты должен спасти Вику и Нику, ты обещал!

Господи! Что она несет? Вернее, что несет мой больной разум... Впервые не могу на нее смотреть, не хочу. Она ненастоящая, ее здесь нет.

– Мне все это, как и вам, удовольствия не доставляет, – ворчит Афанасьев. – Давайте договоримся: будем считать это прогулкой за пределами больницы. Если результатов не будет, вернетесь сюда и продолжите лечение.

– Прогулка? – А это действительно заманчиво, такого у меня пять лет не было. Шанс выйти отсюда, хотя бы на один день. – Идет. Но у меня условие: пиццерия на проспекте Декабристов. Большая пицца «Салями» и две банки колы, ванильной 0,33. Денег у меня нет, платить придется вам.

– Идет.

– Это еще не все, ваш свитер. Мне нужен ваш свитер. Костюм мне велик. Глупо буду смотреться. Еда здесь такая – только собак кормить, – я усмехнулся, оценивая, насколько нужен ему. Следовательно нервно снимает шерстяную кофту, оставаясь в поношенной футболке. – И часы... – добавляю. – Офицерские?

– Не борзей. Жду на улице, – огрызается Афанасьев, хлопнув дверью.

– Что же, Григорий Константинович, надеюсь, прогулка не перечеркнет результаты нашей с вами работы. Переодевайтесь. Санитар проводит вас к выходу.

Неужели я могу вдохнуть полной грудью? Сердце колотится, стоит только выйти за железные ворота. Становится не по себе, ежусь, машинально закутываясь в свитер. Великоват, висит, как мешок. Стоило надеть костюм. Впрочем, нет. Так за небритого бедолагу сойду, с пиджаком не по размеру другая история. Неопрятно, дурной тон, друзья увидят – засмеют. Друзья? Да, нехило загнул, нет у меня друзей, за пять лет ни одного посещения. И все же почему так не по себе? Желание закрыться. Прохожих у психушки и без того немного, два-три человека. Но кажется – толпа, все смотрят на меня.

– Папочка, – протягивает руку галчонок, улыбается, глазенками хлопает. – Папочка, не бойся. Эти дяди и тети на тебя не смотрят, пойдём! – Стараюсь не реагировать, даже не смотреть на нее. Игры разума, как же надо было себя довести, чтобы сейчас чувствовать разедающую вину. Не могу видеть, как она непонимающе, обиженно смотрит, цепляется за штанину. Доченька, моя доченька... Нет, не так, образ моей дочери – мой собственный делирий, в котором я утопаю с головой. – Пап, почему ты со мной не разговариваешь? Ну, пап!

– Макаров. – Голос Афанасьева. Как же сейчас я ему рад! Мы не раз с Люськой обсуждали, что я не могу с ней разговаривать, когда кто-то рядом. Сейчас это играет на руку, оправдывая мое молчание. Неужели я хочу, чтобы дочка исчезла? Неужели я действительно этого хочу? Даже и не знаю, что лучше – видеть ее в своей палате каждый день, слышать ее смех или закрыться, выздороветь, отпустить и жить дальше, как сделала Аленка. – Давай на «ты», – предлагает он, и я киваю. – Садись в машину, мы едем в парк.

– Сначала пиццерия, – задираю я. Следователь усмехается, играть по моим правилам в его планы явно не входит. Принимаю вызов, глянем еще, кто кого.

– Скажешь что-то дельное, будет тебе «Салями», нет – больничную баланду поешь. Да, и еще, классный свитер, состирни при возможности. Психам мыло положено?

– Жену твою попрошу, она у нас как раз горшки чистит, – не остаюсь в долгу я. Неприязнь? Нет, так, метим территорию, думаю, нам долго предстоит друг друга терпеть. – Трогай, шериф, давно не ел сочной пиццы.

– Тьфу, американщина, – отплеивается следователь, заводя авто.

По пробкам добираться небыстро, машина – еще та колымага. Но признаю, за чертовы пять лет, проведенные взаперти, вдыхать амбре выхлопных газов с примесью жирного фаст-фуда – тот еще кайф.

Роман филигранно паркует свой драндулет возле желтой ленты, жестом давая понять, что мне лучше остаться здесь. Отлично, слишком много народу. Мне не по себе. Осматриваюсь, на глаза попадается брюнетка, значит, она тоже здесь! Признаться, я ждал встречи с ней. Одергиваю себя, не об этом сейчас должен думать. Удастся переключиться. Точно, тот самый парк из моего сна. Да, я был здесь раньше, но горки не было, как и качелей. В голове не укладывается, откуда я мог знать. Если предположить, что разум делает аналитические выводы из собранной информации, с цветом угадать непросто. Темно-березовые нарисованные улитки на горке выбивают из колеи. Область видимого света лежит в интервале от 380 до 740 нанометров. Человеческий глаз способен различать разницу в длинах волн порядка 20 нанометров. Следовательно, количество воспринимаемых человеком цветов примерно равно около 17 миллионов оттенков. Шанс угадать 1:17 000 000.

– Пап, песочница, – указывает дочка. Именно здесь я видел Нику. Выхожу, как одурманенный, ломаясь за ограждение.

– Вам сюда нельзя, – останавливает полицейский. Молоденький еще, пацан, с такой наглостью не сталкивался. Но погоны лейтенанта, успел выслужиться.

– Шурик, пропусти, он со мной, – разруливает следак, подзывая рукой. – Здесь нашли курточку одной из девочек.

– А кукла? Ее тоже нашли? – моментально спрашиваю я. Роман кивает. – Она была разбита? Фарфоровая голова. Она должна быть разбита...

– Откуда? – удивляется он, но я уже не слушаю, подходя к песочнице. Мы были здесь с женой и дочерью за пару дней до того, как Люську похитили. Еще пять лет назад я понял, что эти твари вначале выслеживают своих жертв. Выбирают неслучайных детей. Возможно, именно здесь дионеи приметили моего галчонка. Как я мог быть так слеп! Я не понял, не заметил, не смог... Моя вина. Тогда, чтобы осознать, с кем имею дело, мне понадобилось слишком много времени. Но сейчас я знаю врага и не имею права на ошибку.

– Пап, – зовет дочка.

– Не сейчас, – машинально отвечаю я. Вот же черт, не лучшее начало. На меня и так все косятся, не хватало еще с воздухом вести диалог.

– Папа! – настаивает Люська, пальцем указывая на осколок фарфора, втоптаный в землю. – Гензель и Гретель.

Подсказка, мой разум не так плох.

– Умница, – улыбаюсь я, поворачиваясь к следователю. – Пряничный домик! Няня читала девочкам эту сказку.

– Что? – не понял Роман.

– Пряничный домик! Братья Гримм. Хлебная крошка. Они нашли дорогу по хлебным крошкам. Умные девочки. Они оставили подсказки.

– О чем он? – спрашивает брюнетка. Следователь молчит, растерян, пытается сложить два плюс два.

– Фарфор, это от куклы. Нужно искать хлебные крошки, – тараторю, почти задыхаясь. Слова умалишенного – бред, согласен, но они не понимают, слишком глупы, чтобы мыслить шире. С доком было проще. Придется заново учиться разговаривать с узколобыми людьми. Поднимаю с земли осколок, протягиваю им. – Кукла разбилась, когда их схватили. Девочки использовали осколки, как хлебные крошки. По ним можно найти, куда их повели.

– Пакет, – Афанасьев забирает осколок, сравнивает с фотографиями. – Цвет подходит, в этом может быть смысл, точнее скажет экспертиза. Больше руками ничего не трогать, – сует мне перчатки, значит, доволен. Похоже, моя прогулка на воле затягивается на неопределенный срок. – Организовать цепь, ищем что-то подобное, – показывая улику рядовым, поясняет он. – Смотрим внимательно, на местах расставляем флажки. И не затопчите все окончательно! Олухи...

– А он может быть полезен, – улыбнулась брюнетка. Дьявол! Как же красива, особенно шея с пульсирующей венкой, от которой не получается отвести взгляд.

– Не радуйся, Макаров, эти крупички могут не иметь с делом ничего общего, – раздраженно бросает следак. – Работаем, чего встали!

Глава 5

Салями

Стемнело, хоть глаз выколи. Поисковики битый час флажки расставляют, толку нет, на месте топчутся. Продолжать в крошечной темноте с фонариками в руках – мазохизм или садизм, тут как расставить приоритеты. Еще и дождь морозящий выматывает. В палате сейчас тепло, ужин уже подали. А есть хочется, живот урчит. И зачем мне все это? Я не знаю этих девочек, они мне никто. Да и работа полицейским с детства в топ профессий моего будущего и близко не входила. Что в ней хорошего? Копаешься день за днем в чужой грязи, пока эта грязь тебя самого с головой не поглотит. Бонусом можно геройство приплести, желание спасти, помогать. Но насколько это так? Природа человека иная. Пospорить готов, что на выбор двух третьих всех этих людей повлияло естественное желание превосходства. Иными словами, пушка с прописанными полномочиями. На глаза попадает галчонок, ходит за мной, под ноги смотрит, ни слова больше не сказала. К черту врать самому себе, я здесь не из-за пропавших детей или потому, что выбора особого мне не предоставили. Я хочу убить тварь, которая забрала мою дочь. Звучит паршиво, но похищение Ники и Вики дало мне то, о чем я мечтал все 1811 дней. Мечь. Возможность отомстить, и я не упущу этот шанс, даже если цена – жизнь двух маленьких девочек. Мне уже нечего терять, в глубине души я давно мертв.

– Что-то нашли? – осипшим голосом спрашивает следователь. Простудился, с промокшей футболки вода струями течет. Любопытно, мою дочь он с таким же рвением искал? Должно быть, так, но для горящих родителей этого всегда недостаточно.

– Темно, – пожимает плечами рядовой. – Ничего не видно.

– Продолжайте поиск, сообщите, если будет прогресс, звонить в любое время, – недовольно выдыхает следователь. – Макаров, садись в машину.

Нет, так не пойдет. Я не могу вернуться в психушку, только не сейчас. Хлебных крошек недостаточно, чтобы Афанасьев поверил, что от меня есть польза. Нужно дать что-то большее. Никаких мыслей. Слишком мало времени, чтобы собрать картину.

– Люся, помоги, – последняя надежда. Нет не на дочь, ее здесь нет, зов к разуму. Если он решил общаться со мной образом галчонка, я принимаю правила. Лучше выглядеть полезным психом сейчас, чем вернуться обратно в больницу.

– Ага, сейчас так Люся! – обижается дочка.

– Прости, малышка, – опускаюсь перед ней. Следователь в недоумении, не ожидал, что у меня крыша поедет на выезде. – Малышка, не обижайся, папка – дурак, ты очень мне нужна. Галчонок, ты знаешь куда их повели. Покажи мне.

– Грязная вода, – отвечает. Что это значит? Набережная, речка? Нет. Точно нет. Мы часто купались с женой и дочерью на местном пляже, Люська в восторге была. Тогда что? Шестеренки крутятся, пытаюсь собрать воедино всю информацию, которую успел нарыть, пока еще был на свободе. Есть! Дионеи живут под землей, прячутся от глаз. Мы в городе, они бы не смогли открыто тащить детей по улицам. Метро подходит, но до ближайшей станции слишком далеко. Да и при чем вода? Вот же черт немытый! Дошло. Канализация! Стоки были на проезжей части, значит, нужно искать канализационный люк. Дорога. Поисковики углубляются в рошу, идут не в ту сторону, поэтому продвижения нет. Девочки наследили на площадке, пытались убежать. Найденные осколки рядом с деревьями только запутали, сбили след.

– Макаров, в машину, – рычит следователь.

– Я знаю, куда их повели, мы ищем не там, – бросаюсь за качели. – Осколок! Да, галчонок, умница... Сюда!

– Какого... Макаров! – подходит Афанасьев. – Флажок! – С уликой не поспоришь, сказать нечего, заинтересован. Дочка в трех метрах уже тычет пальцем в землю. Вот он, след из крошек, который мы икали весь день. Еще десять минут, и мы выходим на дорогу в пятнадцати метрах от машины капитана. – Трасса оживленная. След прерывается.

– Люк. Дионеи обитают в канализациях, – выдыхаю я. – Нужно искать.

– Здесь, – отзывается брюнетка. – Приоткрыт.

Бросаюсь к месту, нужно снять крышку! Тяжелая, зараза. Афанасьев оттаскивает, рядовых подзывает.

– Улики! Сказал, руками не трогать! – злится, но возразить нечего, я один стою больше всех его подопечных. Двое полицейских открывают люк ломом. Дождь сыграл свою роль, заполнив сток водой до верхней ступеньки. – Твою налево! Что-то есть...

Кусок ткани, зацепившийся за лестницу. Зеленый кусок с цветочками. Ника была в таком платье в моем сне... Впервые за день не рад, что оказался прав.

– Ткань походит на одежду одной из пропавших девочек. Роман, – поднимает глаза брюнетка, но смотрит на меня. – Он нам нужен.

– Улику на экспертизу и родителям на опознание. Мы должны быть уверены, что это не ложный след, – вместе с перчаткой передает находку следак. – В канализацию сейчас не спуститься, водолазы придут через двадцать минут. Но если девочки там, мы опоздали. Макаров, – вздыхает он, ко мне поворачивается. – Не знаю, с какими силами ты имеешь дело, но даю слово, что я сам готов с ними подружиться.

– Роман Михайлович, езжайте домой. Вам нужно отдохнуть, переодеться. Я сообщу, если что-то изменится, – кивает брюнетка. Афанасьев медлит, сам в канализацию лезть готов. А смысл? И все же хороший он мужик, любит свою работу. – Роман, я за всем прослежу.

– Так... Ладно, – выдыхает следак, без дела сидеть не привык. Тяжко, когда о последствиях и без того догадываешься. И все же, крепкий, держится, многое повидал. – Макаров, в машину. До утра нам здесь делать нечего.

Я только за. Промок до нитки, зубы стучат. В колымаге становится теплее, печка спасает. Оборачиваюсь. Брюнетка на меня смотрит, пристально смотрит, изучает. Любопытная, не робкого десятка. Я ей интересен, как обезьянка на цепи начальника. Впрочем, мимолетная улыбка свидетельствует о другом. Парадоксально, но психи, как никто другой, нравятся женщинам. Но мы опасны, от нас нужно держаться подальше.

Афанасьев трогает с места. Голова гудит, давно так не уставал, голоса, звуки, все расплывается. Я снова с дочерью и Аленкой в том самом парке... Сон... Плевать. Мне хорошо. Хочу остаться с ними как можно дольше.

Сигналка соседней машины за стеклом заставляет проснуться. Холодно, до костей продрог, кутаться в промокший свитер смысла не имеет. Сколько я так проспал? Тело затекло, руки не слушаются, голова квадратная. Как с бодуна проснулся, не иначе, даже забавно. Я и до психушки не пил, праздники с Аленкой газировкой отмечали. Но юношеские годы выдались веселыми, тело помнит. Немало с соседской шпаной дел напортачил по дури. Стоп. Следака нет. Удивительно, психа без присмотра оставил? Такую оплошность совершают салаги, Афанасьев опытный мужик. Ручка не поддается, закрыл, лампочка мигает. Стоит дверь вскрыть – запищит. Отключить несложно, минутное дело. Впрочем, куда мне идти? Домой, к жене? Бывшей жене... Как же я хочу ее увидеть. Пропустить сквозь пальцы белоснежные локоны, вдохнуть запах любимых духов. Я влюбился в нее еще на третьем курсе, она только поступила. Первая красавица в универе, сокурсники толпами вились, мажоры подкатывали, сынок депутата проходу не давал. Все говорили, не ровня мне, провинциалу из глубинки. Но я уже тогда знал, что будет моей. Так и вышло. А потом Люська... Пищащий комок, который разделит жизнь на до и после. Копия мамы, глаза голубые, только волосы мои, темно-каштановые.

– Галчонок, – оборачиваюсь, хочу рассказать, как в роддоме испугался взять ее на руки. – Люська...

Где она? Где моя дочь! Страх сжирает. Все пять лет, открывая глаза, я видел свою малышку, беззаботно побалтывающую ногами на соседней койке. Сколько историй я успел ей рассказать, повторял десятками раз. А эту так и не вспомнил. Безумие, все это время я говорил сам с собой. Моя девочка мертва... Сам хотел, чтобы она исчезла. Обобщение разных моментов времени может иметь аналог реального явления в реальности, нарушая логику. Дело в том, что почти любой процесс в природе, который мы воспринимаем, мы осознаем, как протяженный во времени. При этом забывая, что вся протяженность процесса как идея существует исключительно в нашей голове. В реальности процесс никогда не представлен сразу всеми состояниями из всех моментов времени его существования. Сейчас мой разум начинает принимать реальность в данный момент времени, создавая новую программу. Нейронно-аксонные связи просто выполняют заданный код, разрушая годами созданный образ галчонка. Какой я идиот.

– Проснулся? Храпел, как паровоз. – Со стороны водительского сиденья стоит Афанасьев. В руках пакет из супермаркета. Пиво, банки с колой и что-то квадратное. Коробка... Нет! Так не пойдет! Замороженная пицца? Не стоило усложнять, ход пешки... Зря. Нужно было отдать слона. Прогнуться, принять простое условие, а дальше диктовать. Игра в шахматы явно не его конек.

– У нас был уговор, – пытаюсь говорить спокойно, уголки губ вверх натянул. Но сердце выдает, колотится, да и улыбка – скорее, оскал укушенного зверя, чем дипломатичный, добрый жест. Мне действительно нужно туда, именно сегодня, сейчас. Только поэтому я согласился пойти с ним! Как он может не понимать? – Пиццерия на проспекте Декабристов. Большая пицца «Салями» и две банки колы, ванильной 0,33.

– Макаров, у меня две пропавшие девочки, – вздыхает, устал. – Не будь бабой. Салями как салями, в микроволновке разогреешь. Колу я взял, зеро, ванильной не было.

– Проспект Декабристов, – повторяю. – Либо мы едем туда, либо возвращай меня в психушку. – Молчит, нахмурился, знает, что я нужен. Глаза впалые, круги, кожа серая, не досыпает, может, и вовсе пару дней не спал. Я в планы не входил, своих дел хватает, но приказ сверху. Не поспоришь. Оно и понятно, пропавшие дети не из обычных семей. Элитный район, частные дома, няня. Да и не так-то просто вытащить сумасшедшего из психбольницы, нужны связи. Все сходится. – Большая «Салями», – давлу я. Победа, по взгляду понятно. Подвижек в деле, по всей видимости, совсем нет. – Трогай капитан.

– И все же ты баба, Макаров, тьфу. Хуже расфуфыренной студентки, – заводит колымагу он. – Пицца... Едрить твою налево!

Молчание. Мы оба в клетке, но у каждого своя. За время, проведенное в больнице, я привык к одиночкам, сам в изолятор стремился, дебоширил, психов подначивал. Примерным пациентом меня назвать язык не повернется. Но все было не зря. Мне нравилось оставаться наедине с дочерью. Люська никогда не умолкала, что-то рассказывала, песни пела, смешила. Мне было хорошо. Сейчас паршиво. Может, док прав, мне не место на свободе, там мой дом. Знакомый переулочек возвращает в реальность, старые хрущи, аллея. Мы почти на месте, приехали. Стоп! Желтая оградительная лента, черная от копоти стена, выбитые пожарниками стекла. Где вывеска? Детская пиццерия «Веселый кролик». Мы отмечали в ней каждый день рождения дочери. Заказывали большую «Салями», колу, надевали смешные колпаки. Но главное – незамысловатая песенка «С днем рождения» в исполнении ростового зайца. Дочь от торговки визжала, а я твердил, что стоит попробовать что-то другое. Фокусников, клоунов, все лучше, чем взрослый мужик в костюме, скрывающем лицо. Аленка улыбалась, качала головой, считала нашей традицией. Она говорила, что я пожалею, когда все закончится. Все рано

или поздно заканчивается, дочка вырастет, и глупая песенка останется лишь воспоминанием. Сейчас бы я отдал все за мгновение.

– Кафе закрыто, пожар, – останавливается Афанасьев. Знал, гаденыш, но промолчал. Решил показать, чтобы вопросов не осталось. – В паре кварталов есть пиццерия...

– Когда был пожар? – перебиваю. К такому я готов не был. Здесь что-то не так. Все не складывается. Два относительно не связанных события с чередующимися переменными, объединенных одной временной шкалой, не являются совпадением. Какой-то бред, голова закипает. Я должен быть там. – Мы должны зайти. Нам нужно... – вылетаю из машины. Афанасьев останавливает, к стене прижимает. Умело, привык с буйными общаться. – Нужно внутрь! Ты коп или кто?!

– Полицейский! – рычит, руки назад заломил. С самого утра общение не задалось, не с того мы начали. – Выкинешь еще что, я тебя арестую! Территория огорожена. Туда нельзя!

– Арестуешь? – На славу позабавил, смех сам вырывается. Истерический смех, больной. Фильм ужасов с маньяком-психопатом в главной роли! – Я пациент психиатрической клиники. Тюрьма – курорт по сравнению с этим. Отсидел, вышел. Все просто.

– Ты же нормальный мужик был, Макаров! – Афанасьев злится, бутылку в стену ногой запустил. Паника нарастает. Да что со мной происходит? Он не держит, давно руки убрал. Сам на землю сползаю, колени к груди. Знакомая поза, комфортная. В ней я под защитой. Неужели действительно боюсь? Нет. Чувств собачья! Я давно забыл, что значит бояться. В тот миг, когда взял на руки мертвое тело своего ребенка. – Я помню, как ты искал свою дочь, все силы положил. Что с тобой стало? Две девочки сейчас борются за свою жизнь! Вот же... Тебе совсем плевать? «Салаями» хочешь? – продолжает он. Нервы на пределе, достает из колымаги замороженную пиццу, к ногам бросает. Взорвался, не выдержал, он тоже человек. – Жри, у меня нет времени заниматься ерундой!

– Девочки были в этом кафе? Перед тем, как их забрали? – выдаю я. – За неделю, может, две? Копоть свежая, пожар был не так давно.

– Какое это имеет значение? – не понимает следак. Обескуражен, но слушает, пытается вникнуть.

– Мы были с дочерью здесь за неделю до похищения. Дети любят это место. Недалеко от школы. Девочки. Если они были... Пожар! – Мысли начинают путаться, пытаюсь говорить внятно. Выходит с трудом. Таблетки, я слишком долго был на таблетках. Длинный день, мне нужен отдых. – Это не случайность. Их родители. Нужно поговорить с родителями... Пожар. Если события А и Б несопоставимы, то вероятность их суммы равна сумме их вероятностей. Теория... – Поднимаюсь, руками шарю по разбитому оконному стеклу. Не понимает. Сейчас мои слова кажутся бредом, слишком много неизвестных. Нужны доказательства, аргументы. Сам не уверен. Есть! На пальцах жировые следы, запах выветрился, но это керосин. Горючая смесь жидких углеводородов, температура вспышки 28–72 °С, теплота сгорания 43 МДж/кг, огонь разошелся в считанные минуты. Кафе подожгли, дело не в проводке или в случайном возгорании. Дионеи замечают следы. Это точка отсчета, отсюда все началось. – Поджог. Эти твари, они... Я говорил, дионеи могут принимать образ девушек! Они... Я открою замок, это плевое дело, – шарю по карманам я. – Есть скрепка? Или...

– Макаров, в машину, – останавливает Афанасьев, за рукав к колымаге тащит. Только сейчас замечая собравшихся зевак, человек десять, если не больше. Для следователя это проблема, еще камер не хватает. Улица оживленная, даже в поздние часы прохожих немало. Бесноватый мужик возле сгоревшего кафе, выкрикивающий что-то иррациональное, не может не привлечь внимание. Люди боятся всего непривычного, того, что не могут понять. Это инстинкты, благодаря которым мы выживаем. Но любопытство сильнее страха, мы, как бабочки, летим на свет, не подозревая, что можем сгореть. – Утром я запрошу отчет

с места пожара, поговорю с родителями, и, если это кафе имеет отношение к делу, мы сюда вернемся. Но не так, а на законных основаниях.

– Нам нужно туда сейчас! – Злюсь, как он не понимает, мы должны попасть в эту чертову забегаловку. – У нас нет времени ждать! У них нет!

– Я следователь, а не... Бог весть кто! Мы так не работаем.

– Да, вы так не работаете, – усмехаюсь, опрокидываю сиденье. Может, удастся поспать. Он решает, когда мне вернуться в психушку, а значит, главный он. Спорить бесполезно, смысла нет. Мне нужен отдых, как и ему. Но так не выйдет, Афанасьеву придется пересмотреть свои приоритеты, если он хочет найти детей живыми. – Поэтому я нашел свою дочь, не ты. И если бы я начал искать с самого начала, не полагался на вас... Моя девочка была бы жива!

Афанасьев трогает с места, молчит. Да и что он скажет? Не о чем здесь говорить. Я прав. Всегда прав. Смешно звучит от психа, закономерно. Длинный день. Очень длинный. Надо заснуть, выключиться. За пять лет так не уставал. Хватит с меня на сегодня.

– Эй, – выдергивает из дремоты Афанасьев. – Хотел спросить. Это кафе. Почему именно оно? «Салями», две банки колы. Ты заключал сделку, мог выбить условия получше. Ресторан, спортбар.

– Денег бы не хватило, или копам зарплату подняли? – отворачиваюсь я. Хочу спать. Глупый вопрос, не стоило его задавать. Он не помнит, неудивительно, продолжать не имеет смысла.

Роман молча вздыхает, на меня косится. Возиться с психом и без того радости не доставляет. Мои выкрутасы у кафе все усложняют. Но не признать, что я могу оказаться полезен, совесть не позволяет. Я умнее их всех, вместе взятых. Вот и мечется, не знает, как поступить. Но для него главное – найти детей, значит, вопрос решен. Я остаюсь.

– Вот же, едрить твою налево! – резко остановился он, не обращая внимания на сигналы проезжавших машин. А вот это уже любопытно. Достает блокнот, перелистывает. – 29 сентября, это же сегодня. День рождения твоей дочери, поэтому ты выбрал это кафе... Мне действительно жаль. – Молчу, пусть думает, что сплю. Прокололся, сам понимает. – У Ники с Викой остается все меньше времени. Ты нам нужен и поможешь.

– С чего бы это? – подаю голос. Его самоуверенность злит, но разум подсказывает, что я соглашусь с его аргументом. Он видит меня, может, понимает, во всяком случае, думает так.

– С того, что ты хочешь найти убийцу своей девочки. Ты хочешь отомстить, – попадает в точку он. А я недооценил. – Пока у меня поживешь. Дальше будем решать.

Глава 6

Кофе

Запах кофе ударяет в нос. Нет. Не может быть. Я все еще сплю. Психам кофе не положен. Возбудать и без того возбужденную нервную систему – не подход дока. Илья Викторович, наш санитар, уже должен был зайти с таблетками. Задерживается? Странно. За пять лет не опоздал ни на минуту. Расписание в больнице – закон для всех обитателей, без исключения. Вырабатывает условный рефлекс.

Так. Стоп. События вчерашнего дня собираются в картину. Я не в больнице. Заставляю себя открыть глаза. Диван, плотно занавешенные шторы, старенький комод, сервант, ковер на полу. Либо перемещение во времени вошло в топ моего иллюзорного онейроида, как любит говорить Павел Степанович, либо это квартира Афанасьева. Да, именно так, вчера он отвез меня к себе. Первый вариант заставляет улыбнуться, Люська была бы в восторге... Хватит! Нужно переключиться. За долгих пять лет я впервые на свободе, к тому же манящий аромат кофе сводит с ума. Смешно! Пора завязывать с подобными выражениями.

Квартира небольшая, стандартный хрущ, кухня, проходная гостиная, спальня, раздельный туалет с ванной. Женских вещей нет, как и намека на уборку. На полках пыль, немые кружки расставлены по всей гостиной. На батарее небрежно брошен свитер, сырые ботинки, верхняя одежда на спинке стула. Аленка мне такого не позволяла. Живет один, гости бывают редко.

На глаза попадает фотография в рамке. Двое подростков на фоне Эйфелевой башни, парень и девочка, женских снимков нет. Сложить нетрудно. Развод, дети остались с матерью, видятся редко. Афанасьев женат на работе. Поэтому он хороший следак. И именно поэтому я готов с ним работать.

– Эй, капитан! Заключенным туалет положен? – громко подаю голос я. Молчит. Должен был услышать, или я один? Любопытно, ручка в спальню не поддается, запер. Ментовские привычки, не хочет, чтобы гость по квартире шатался. Когда он ушел? К черту! Я один! Ноги сами несут на кухню. Вчера так и не поужинали, но главное – кофе! Пять лет о нем грезил. На плите непомытая турка, сковорода с пригорелым маслом. Если мне предстоит здесь жить, стоит навести порядок. Ненавижу антисанитарию. Везде грязь, микробы... Как можно так запустить квартиру? Что ж, немало предстоит работы... Но для начала нужно позавтракать. Холодильник пустой, пара банок пива, яйца, докторская колбаса. Никакой зелени, овощей. О здоровом питании не слышал. Придется довольствоваться тем, что есть.

Взгляд вновь падает на сковороду. Жуть! Готовить на этом невозможно. Под раковиной сода, уксус. Негусто, даже самого обычного средства для посуды нет. В ванной видел жидкое мыло, если найти перекись и нашатырку, решение останется за уроками химии. Зная необходимые пропорции, смешать можно что угодно. А вот и она! На самом видном месте. Ни секунды не сомневался. У следака может не быть заполненного холодильника, но аптечка всегда найдется!

Сорок минут плодотворной работы – и вот мой кофе закипает в блестящей турке. Это все, о чем можно было мечтать.

– Эта кухня еще никогда так не блестела от чистоты. Не знала, что Афанасьев нашел себе домработницу, – женский голос. Брюнетка. А она хороша, чтоб меня.

– Завтракала? – Сам не знаю почему, улыбаюсь. Не отвечает, что ж, так даже интереснее. Решила показать характер, мне нравятся такие игры. – Так, значит, Афанасьев отправил тебя проверить свою ручную обезьянку? Готов поспорить, именно ты выполняешь за него всю бумажную работу.

– Я спец по приручению обезьянок. – Садится, смотрит так, что нож в горло готова вонзить или раздеться. Сразу не разберешь этих женщин. Те же подростковые джинсы, свитер и кулон-бабочка. Что не так с этим чертовым кулоном?! – Хочу понять, полез ли ты или стоит вернуть тебя в психушку.

– Одну или две ложки? Сливки нет, извини, – не уступаю я, ставя перед гостьей тарелку с яйцами пашот и ломтиками поджаренной до золотистой корочки докторской. – Впрочем, быть может, я ошибся, и ты пьешь кофе без сахара?

– Ты здесь не для того, чтобы варить кофе! – первой не выдерживает она. Злитесь. Точно нож, для второго варианта еще не созрела. – Хочешь вернуться...

– Для начала давай проясним несколько моментов. Я здесь добровольно. Я не преступник, не подозреваемый и точно не ваша обезьянка. Не стоит угрожать мне возвращением в психушку, там хотя бы завтрак подают по расписанию, не говоря уже об обеде и ужине. Днем раньше, днем позже, но я все равно там окажусь. Я не строю иллюзий по поводу того, что Афанасьев сдержит обещание и вытасит меня, если я буду полезен. Моя мотивация – месть, и именно поэтому я все еще здесь. У нас разные цели, приводящие к одному и тому же действию. Родители не должны хоронить своих детей. Все просто, – холодно улыбаюсь я, произнося каждое слово с непроницаемым лицом. Она получила ответ, за которым пришла, теперь можно выпить остывший кофе и наконец позавтракать с вилок и ножом в руках. Обычно психам не полагаются колюще-режущие предметы, но я на воле, здесь правил нет. – Так одна или две?

– Две. Почему ты так уверен, что я пью с сахаром?

– Самый странный вопрос на допросе в моей жизни, – усмехаюсь я. Она принимает правила игры. С авансом, дает мне шанс. Начало положено. Но самое глупое – я даже не знаю, как ее зовут. – Ты сладкоежка. К тому же ты сама дала мне ответ. Твои губы.

– В больнице к медсестрам так же подкатывал? – шурится. Не хочет уступать, не знает, что заведомо проиграла.

– Ты дала невербальный ответ, когда я спросил про кофе. Я думал, сотрудников доблестной полиции учат читать мимику, жесты, позы. Или я пересмотрел американских фильмов про копов? – Поддвигаю тарелку с завтраком к ней поближе. Странно, но есть совершенно перехотелось. После стольких лет в заточении, думал, что скучаю по чашке кофе, телефону и газете. Но нет, я скучал по общению хоть с кем-то, кто не смотрит на тебя как на психа. – Ешь, остывает. Ты не завтракала с утра.

– По жестам понял? – ехидничает брюнетка. Брови свела, хочет казаться серьезной. Мое молчание ее выводит, но это уже не игра характеров. Она хочет узнать меня. Глупо, но кажется, я давно знаю ее. Обман разума. Мы не встречались прежде, разные интересы, круг общения, возраст. Она не вела дело, не принимала участия в поисках. Я не мог ее знать. – Саша. Лейтенант Александра Мельник, помощник следователя. Я так и не представилась. Спасибо за завтрак, мне пора.

– Уже уходишь? А как же допрос? Или ты зашла попить кофе? – поднимаюсь я.

– Ты не подозреваемый, чтобы устраивать допрос. К тому же я выяснила, что хотела, – улыбается она. Да, так намного красивее, ей идет улыбка. – Тебе стоит побриться. Все необходимое найдешь в ванной.

– Разумеется, лейтенант Мельник, – усмехаюсь я. Палец в рот не клади, откусит. Такие женщины, как она, всегда добиваются своего. Идут по головам, невзирая на последствия. Совершенно не мой типаж. Моя Аленка другая. Чуткая, заботливая, нежная. Такое редко ценишь, пока не потеряешь. Хищники заволаживают, разжигают страсть. Но после огня остаются угли, которые способны обжечь гораздо сильнее, чем ты думал, любуясь пламенем. Ей действительно пора. Как ни странно, но я хочу, чтобы она ушла.

– У меня к тебе еще один вопрос, последний, – останавливается у двери брюнетка. Смотрит в глаза, проедая взглядом насквозь. Голова вновь начинает кружиться. Мне нехорошо. Чертов синдром отмены... Он уже должен был пройти! – Ты все еще любишь свою жену?

– Что? Какое тебе дело? – отшатываюсь назад я. Бред! Зачем ей задавать подобный вопрос? Все не складывается. Я не могу отличить реальное от нереального? Да что со мной такое! Голова гудит. Страх, паника нарастает.

– Ты все еще любишь свою жену? – повторяет она. Но голос звучит размыто, ритм, тембр, выраженность сплетаются в одну сплошную. Я уже не понимаю, где нахожусь, и только этот кулон-бабочка застывшей картинкой маячит перед глазами. Я схожу с ума. Док был прав, во всем прав. Я болен, просто болен... Где моя доченька? Люська... Мне уже без разницы, настоящая ли она. Я просто хочу быть рядом с ней, даже если для этого мне придется провести в психушке всю свою жизнь.

Начинает отпускать. Сколько я так просидел? Кажется, солнце уже село, или у меня в глазах темно. На стене деревянные часы с кукушкой отбивают девятый час. Кто в двадцать первом веке использует часы с кукушкой? Я снова брежу? Нет, у Афанасьева в гостиной видел что-то подобное. Ручная работа с гравировкой. Способность подмечать детали помогает собраться. Я просидел под порогом у стены весь день. Время выпало из реальности. В больнице такое случалось не раз, особенно в изоляторе. Сам не придавал этому значения, списывая на побочные действия от лекарств. Но я уже не на таблетках. Причина в другом. Стоило быть более откровенным с доком, не воспринимать каждое слово в штыки. Он просто хотел помочь. Сейчас я осознаю это слишком четко.

Нужно осмотреться. Я не один. На кухне горит свет, пахнет едой. Господи! Как же вкусно пахнет! Голубцы, солянка и булочки с корицей. Неужели... Запах дома? Аленка! Моя Аленка... Она здесь? Как невменяемый бросаюсь навстречу. Как же я соскучился. Хочу увидеть свою жену, обнять. Она здесь, она пришла... Моя девочка!

– Очухался? – разбивает надежду Афанасьев. Следак сидит за столом, загребая ложкой суп прямо из контейнера. Свинья... Чертов самообман! Аленки здесь не было. – Я уж было подумал, что ты совсем свихнулся. Твоя жена... Тьфу. Алена Игоревна собрала тебе кое-каких вещей и наготовила всего, садись, поедим.

– Ты был у нее? – Во мне закипает злость. – Она знает, что я здесь?

– Заехал после работы, – отвечает он нехотя. Да, Аленка знает, но не хочет видеть. Да и на что я рассчитывал? Если бы она хотела, могла прийти гораздо раньше. Хотя бы один-единственный раз! – Сядь, есть разговор.

– Я хочу ее увидеть, – выдаю я. Эмоции бросают из стороны в сторону. Чертовы голубцы путают все карты! Она всегда готовила их для меня, стоило заключить сделку или подписать крупный контракт. Знала, как сильно я их люблю. Ей не все равно, не может быть все равно...

– Алена Игоревна... У нее другая семья, мужчина, сын, – отрываясь от супа, вздыхает Афанасьев. – Она смогла идти дальше, смириться с утратой. Не заставляй ее переживать все заново. Григорий, мне действительно жаль, что все вышло именно так. Это жизнь, чтоб ее. Так бывает. Иногда плохие вещи случаются и с хорошими людьми.

Слова режут больнее ножа. Следак знает, о чем говорит: его работа разгребать чужое дерьмо голыми руками. Статистика – суровая правда. Только одной из четырех пар удается сохранить семью после потери ребенка. Мы не вошли в те 25 процентов. После решения суда у нас не было шанса. Столько времени я пытался отрицать действительность. Надеялся хоть что-то исправить. Но это конец. Люська мертва, жена живет своей жизнью, а весь тот бред, который я несу про дионей, основан на моем общении с образом дочери. Второй раз за день убеждаюсь в правоте дока. А это уже закономерность. Пора завязывать с этим балаганом. Две маленькие девочки находятся в смертельной опасности, если не мертвы. Мои бредни про мон-

стров не помогут найти их. Я уже сам не уверен, что видел на самом деле. Любой здравомыслящий человек сложил бы этот пазл, как два плюс два. Но я болен, мое место не здесь.

– Макаров, – выдергивает следак. – Ты оказался прав. Та ткань, которую мы нашли в стоке, – обрывок от платья одной из девочек. Родители это подтвердили, как и то, что за несколько дней до похищения они отмечали день рождения Ники в «Белом кролике». Не знаю, каким образом тебе удастся, но это работает! Я получил разрешение, завтра утром едем в сгоревшее кафе.

– Нет. Утром ты отвезешь меня в больницу. Спасибо за кофе. Пойду спать, до утреннего обхода я должен быть в своей палате.

– Макаров, чтоб тебя! – рычит, волосы встали дыбом. Устал от моих выкрутасов, но это не тот случай. Сейчас я действительно хочу помочь. В противном случае следствие зайдет в дебри моего собственного безумия. – Мы это уже обсуждали.

– Ты идиот? – в лоб спрашиваю. Нет, я не пытаюсь оскорбить. Просто хочу донести без прикрас. Правда-матка. Есть с кого пример брать. – Я – пациент психиатрической клиники с подтвержденным диагнозом. Онейроидный делирий. Вся выданная мной информация основана на иллюзорном образе мертвой дочери. Простыми словами. Я брежу, и ты как губка впитываешь мой бред. Единственное, что из этого может выйти – закончишь как я, в соседней палате. Весь этот эксперимент – неоправданный риск. Любое мое неверное заблуждение лишает детей шанса на спасение. У тебя нет ни одного подтверждения того, что в моих словах кроется хоть какой-то смысл. Как и у меня самого.

– Знаешь, Макаров. Ты прав, может, я и идиот. Но факты говорят сами за себя, – отвечает он сухо. Но это честно, даже если он и сам не в восторге от своих слов. – Твой бред выдает больше информации, чем весь отдел. И если это приведет меня в соседнюю палату, что ж. Я готов заплатить такую цену.

– Факты? Твари с когтями, обитающие в пещерах, или призрак моей дочери? Именно эти факты лежат в основе каждого моего слова! Ты сам знаешь, что все это бред! Именно поэтому ты упрятал меня в психушку, разве не так?

– Я уже сам не знаю, во что мне верить. – Афанасьев поднимается, достает что-то из потрепанной кожаной сумки. Стоп! Шкатулка... Та самая шкатулка, о которой говорила Люська! Откуда она у него? И почему... – Алена Игоревна выполнила твою просьбу. Она была там, где ты сказал.

– Когда ты узнал? – Не могу поверить.

– Я не был уверен, стоило тебе говорить или нет. Да и сейчас не уверен. Но у меня две пропавшие девочки. Даже если ты свихнешься окончательно, хуже уже не будет, – пожимает плечами он. – Завтра утром едем в кафе, посмотрим, чем нам сможет помочь призрак твоей дочери. Чтоб меня...

Слова следака выпадают. Нет, я слышу, что он говорит, воспринимаю. Но сейчас не до него. Шкатулка все меняет. Кручу в руках подарок дочери. Сломана, все так, как она и говорила! Я не мог знать... Точно не мог! Значит... Значит, моя малышка здесь? Значит, она все время была рядом. Я верил ей пять лет и сейчас посмел сомневаться... Я идиот! Какой же я идиот. Люська единственная убеждала меня в том, что я не сошел с ума, поддерживала все это время... И на что я променял общение с ней? На глоток кофе? Скотина последняя!

– Доченька, прости меня, – шепчу. Если она не придет? Обиделась? Да, точно обиделась... Как же я виноват перед ней! – Галчонок...

– Привет, папочка, – раздается звенящий голосок. Моя малышка. Она всегда прощала. Мой непорочный ангелок. Моя доченька. – Кушай, пап, ты со вчерашнего дня ничего не ел! Это же мамины голубцы. Мы ее вернем, она же наша мама.

– Да, галчонок, наша мама, мы ее никому не отдадим.

Глава 7

Шурик

Обуглившиеся стены, мебель, почерневшая от копоти, рамки с фотографиями детских праздников. Когда-то здесь было и наше семейное фото. Но прошло слишком много времени, поколение малышей сменилось. Вряд ли этот снимок еще сохранился.

– Одна рамка пустая, – говорит все тот же молоденький полицейский, который не пускал меня за желтую ленту на площадке. В этот раз одет не по-служебному: простые джинсы, футболка, поверх которой теплая клетчатая рубашка. Нелепо выглядит, сам худенький, одежда мешком висит. Не успел облачиться в форму, Афанасьев дернул в четыре утра. Оно и понятно, у детей с каждым днем все меньше и меньше шансов. Поиски ведутся 24 часа, меняются только смены. Людям необходим отдых, личная жизнь, здоровый сон, но с такой работой быстро привыкаешь к другой жизни, оставляя место только для необходимого. Парнишка еще не привык, зевает, глаза каждую минуту трет – подъем нелегко дался, на ходу засыпает. В этом мы чем-то похожи, никогда не вставал так рано. Я по своей сути сова, с самого детства не любил рано просыпаться. Не то что следак. Захлебнул в один глоток чашку кофе с бутербродами и полетел ни свет ни заря, не моргнув глазом. – Как думаете, здесь было фото пропавших девочек? Может, его похититель забрал?

– Шурик, может, ты профессию не ту выбрал? – хмыкает Афанасьев, по-отцовски головой качает. Недоволен, но говорит не всерьез, поддевает, чтобы голова заработала.

– Роман Михайлович, зачем вы так? Администратор вывешивает снимки с детских праздников. У Ники был день рождения, вполне вероятно, что их фотография висела на стене, – оправдывается. Юношеский максимализм, только опыта нет.

– Внимательнее смотри. Что видишь?

– Стекло не разбито, крепления не сорваны. Висит с краю. Была пустой, не успели сменить снимок, – исправляется. Быстро соображает, потенциал есть. – Ничто не указывает, что поджог связан с исчезновением детей. К тому же есть подозреваемый, его допрашивают. Уволенный работник. У них с управляющим был конфликт, он угрожал сжечь это место. Через неделю полыхнуло. Его взяли сегодня в 3 утра, в гараже канистра керосина. Все сходится. Роман Михайлович, тогда зачем мы здесь?

– А вот это ты у Макарова спроси, – усмехается он. Сам не уверен, чем мы здесь занимаемся, но игнорировать случайность совпадений не может. – Так, Макаров, расскажешь, что мы тут делаем? Или так и будешь возле стен шараться?

– Не виноват ваш подозреваемый – во всяком случае, не в том, что здесь произошло, – слишком уверенно выдаю я. Шурик аж зубы сжал. Говорю же, юношеский максимализм. – Стекло на рамках целое, огонь практически не добрался до детских снимков, что может быть случайным совпадением. Но три точки возгорания у противоположных стен образуют треугольник. Кафе подожгли изнутри, направляя пламя в противоположную сторону.

– В отчете так и написано, – не доверяет парнишка.

– Можете потереться этим заключением, ваш эксперт полный идиот. В отчете написано 4 места возгорания. Но их три. Было два поджигателя. Керосин на входной двери – это ваш подозреваемый. Огонь внутри разошелся с помощью пластиковых бутылок с серной кислотой и желтым фосфором. Здесь три точки, что можно отличить по треугольному нагару на стенах большей плотности.

– Не понял? – уже заинтригованно спрашивает Шурик.

– Химию нужно было учить. При соединении фосфора с кислородом происходит самовоспламенение. Серная кислота проела стенки бутылки, – кивает следак. – Твою ж налево... Остается время пожара. Когда приехали пожарные, огонь уже разошелся по всему зданию.

– Такой способ поджога дает время уйти, ваш поджигатель с керосином появился позднее. Поэтому огонь распространился одновременно. Это не более чем совпадение.

– Но какое это имеет отношение к детям? – не понимает паренек. Но здесь он прав, мне бы самому хотелось знать ответ на этот вопрос. Я не могу быть уверен, изначально сам шел по ложному следу. Керосин не имел никакого отношения к дионеем...

Галчонок дергает за руку. Весь день молчала, больно задела мои сомнения маленькое сердечко. Но с самого утра рядом, хвостиком ходит. В кафе ей не место, самые светлые, счастливые воспоминания в копоти, зрелище не для ребенка.

– Малышка, все хорошо? – опускаюсь перед ней на колени. Шурик у виска покрутил, а вот следак помалкивает, даже в лице не изменился. Железная выдержка. Кремень. – Люся... – Указывает на стену с фотографиями, но молчит. Глазенки опустила. – Галчонок, там нет наших фоток. Это было давно. Прости.

– Туда, – подает голосок. Я знаю это состояние. Она напугана. Там что-то произошло, и она не хочет говорить об этом.

– Туда? – переспрашиваю я, и она кивает. Самая обычная стена. Стоп. Три места возгорания, направляющие пожар в противоположную сторону. Дионеи намеренно уводили огонь именно от этого места, и дело здесь не в фотографиях. – Есть план здания? – Глупый вопрос, конечно есть, службам пожарной безопасности без него не обойтись. Материалы должны быть прикреплены к делу. Шурик бумажками зашуршал, перебирает. Как же долго! Впрочем, есть способ убедительнее. Кладка стен здания кирпичная, как и перегородок, дополнительной обшивки нет. С этой стеной другая история, слишком ровная, штукатурка нанесена. По стуку становится ясно – полая. За ней точно что-то есть... Проход? – Нам нужно туда...

– Макаров, ты не забыл, что мы живые? Сквозь стены не проходим, – усмехается Афанасьев. Грубо, по-другому не умеет. Сценка с дочерью заставляет сомневаться в моем здравомыслии. Но именно поэтому я здесь. Сейчас я знаю, что прав. Он должен довериться. Мы уже здесь, не время отступать. И похоже, следак согласен, как бы глупо ни звучали мои слова. – Отойди. – В руках кувалда. Пожарники оставили, не берегут казенное имущество. Но нам на руку. Пары ударов хватает пробить крепления. Крепкий мужик, широкоплечий. – Твою ж налево...

Стена отходит, открывая проход в узкий туннель с лестницей, ведущей вниз.

– На плане его нет. Да и владельцы кафе не упоминали о потайном проходе, – удивленно подает голос Шурик, уставившись в лист бумаги с печатями. – Макаров, тебе дочь об этом сказала? Ты что, экстрасенс?

– Во-первых, «вы» и Григорий Константинович, а то проклятье нашлю, евнухом на всю жизнь останешься. А во-вторых, здание дореволюционной постройки. Владельцы кафе могли попросту не знать, – с серьезным видом поправляю я. Слова про евнуха напугали, глаза в три копейки. Не дорос еще на «ты» к старшим обращаться, уроком будет. А вот Романа позабавил мой небольшой перформанс, в совокупности с находкой любой каприз одобрит. – Подсветить есть чем?

– Есть. – Шурик с опаской достает полицейский фонарик, взгляд потупил. – Простите, Григорий Константинович.

– Давай, Шурик, лезешь первым, – кивает следак. – Вперед и с песней. Мы прямо за тобой.

Темно, один фонарик на троих пользы не дает. Спуск ведет в подвал. Сырое, промозглое помещение с заколоченными полупрогнившими досками на стенах. Винный погреб, даже пара неоткрытых бутылок сохранилась. Сейчас они стоят целое состояние.

– Подсвети сюда, – указываю я на перевернутый бочонок. Керосиновая лампа, почти полная. За годы жидкость должна была испариться. Здесь точно кто-то был до нас. – Зажигалку. – Шурик медлит, на Афанасьева поглядывает. Засветиться боится, начальник не одобрит, поэтому и сигареты берет ментоловые, без запаха табачного дыма. Сам такие курил, когда Аленка беременная ходила, а как дочка родилась, бросил. Но рецепторы не обманешь, помнят. – В правом кармане вместе с пачкой.

– Вы точно экстрасенс, Григорий Константинович. – Парень нехотя достает зажигалку, на следака ни разу взгляд не поднял. Афанасьев же к нему, как к сыну, относится, отчитает бедолагу. Не фартануло пареньку со мной связаться. Ничего, на пользу. Курение убивает, лучше завязать, пока молодой. – Я такое только в кино видел! Здесь круто!

Зажигаю фитиль; свет лампы дает осмотреться. Шурик в чем-то прав, здесь действительно как в кино. Декорации. Слишком чисто, за век все должно было зарости пылью и паутиной.

– Вино старое. Интересно. Сколько такая на *eBay* стоит? Повезло кому-то.

– Сам ты ебей! Поставь на место, это улики! – рычит следак. Второй прокол за десять минут, не завидую я пареньку. Шурик не отвечает, на месте как вкопанный застыл, руками в бутылку вцепился. Не думал, что Афанасьев страшнее черта может показаться. Впрочем, нет. Дело в чем-то другом. На лейтенанте лица нет. – Эй, кому сказал!

– Роман Михайлович, кажется, здесь что-то есть... – Указывает пальцем на темный силуэт, забившийся в дальний угол между стеллажами. Желтая детская ветровка в грязи, ботинки, составленные вместе... Нет. Не может быть...

– Отойди!

Отпихиваю Шурика в сторону, силу не рассчитал, парнишка едва головой в стену не влетел. Не до него сейчас. Между прогнивших, заставленных всякой ерундой полок кто-то сидит. Ребенок... Одна из пропавших девочек, светленькая. Вика, кажется. Да, точно Вика. Не двигается, бледная, губы синие, но глазенки на свет реагируют, щурится. Живая... Забившаяся в угол, испуганная, но живая!

– Здравствуй, солнышко, я Гриша. Мы тебя нашли, теперь все будет хорошо, – шепчу я, чтобы еще сильнее не напугать. – Нужна вода и что-то теплое...

– В машине бутылка, – кидает подопечному ключи Афанасьев, снимая с себя куртку. – Вызывай «Скорую» и наряд. Быстро! Твою мать! – Следак опускается рядом, протягивает руки к ребенку. – Нужно ее достать. – Мотаю головой, взглядом указываю на стеллажи. Здесь все без слов понятно. Доски старые, на честном слове держатся, могут рухнуть в любой момент. Она сама должна к нам выползти, иначе может пострадать. – Эй, малыш, вылезай. Я полицейский, мы отвеем тебя к маме с папой. Не бойся нас, мы хорошие.

Ребенок только сильнее в стену вжался. Умеет же следак с детьми разговаривать, напугал. Но девчушка двигается, уже хорошо, серьезных травм нет.

– Мы шли по хлебным крошкам, – подмигиваю ребенку я. Молчит, но глазенки подняла. – Здорово придумали, твоя идея? – Мотнула, ответная реакция есть. Идет на контакт. – Моя дочка, Люська, нарисовала вашу куклу, я все сомневаюсь, похожа или нет. Как думаешь? – Достая из кармана сложенный листок, показывая рисунок из психушки. – Она у меня, правда, призрак, и, кроме меня, ее больше никто не видит. Но она всегда рядом и даже сейчас, прямо здесь. Только это большой-большой секрет. Ты же никому не расскажешь? Иначе злой дядька меня в больницу положит.

Малышка качает головой, даже улыбнулась разок. Основа детской психологии: только лучшие друзья могут рассказать друг другу свои секреты. То, что я открыл свой, позволяет ей довериться мне. Психологи довольно часто применяют подобную схему, повествуя пациенту о себе небольшую историю, прежде чем приступить к вопросам.

– Вылезешь ко мне? А то я не люблю темные замкнутые помещения, к тому же скоро твои мама с папой приедут. – Слова действуют. Малышка выбирается из укрытия, за шею обнимает. Дрожит, ручки ледяные, слезы из глаз катятся, сейчас точно расплечется. Почувствовала защиту, поверила. – Все хорошо, солнышко. Я тебя согрею.

На улице звук сирен, значит, «Скорая» подъехала. Девчужке нужна помощь. Тяжелое дыхание, синюшность кожных покровов, обезвоживание. И это только малая часть последствий, но это хороший исход. Девочка могла задохнуться при пожаре, балки могли не выдержать, или она просто бы умерла здесь от жажды. Нет. Только сейчас замечаю бутылку с водой и фантики от шоколадных вафель. Тот, кто оставил ее в этом подвале, не хотел, чтобы она пострадала. Очаги возгорания были не настолько большими, чтобы спалить это место, скорее привлечь внимание. К тому же пламя намеренно отводило от стены. Но второй поджог спутал карты, позволяя огню распространиться. Плюс недобросовестные пожарные, ни черта не знающие свою работу. В их обязанности входит осмотр конструкции здания. Ряд случайных совпадений, которые могли закончиться смертью ребенка.

– Эй, давай ее сюда. Нужно выйти на улицу, – протягивает руки Афанасьев.

– Я сам. – Вика вцепляется еще сильнее, боится, что я ее отдам здоровенному дядьке, больше напоминающему медведя. Пригрелась в моих руках, расслабилась. Я не должен ее подвести, как подвел свою дочку... Даже в такой мелочи. – Солнышко, закрой глазки.

Осторожно выношу девочку из сгоревшего кафе, не стоит ей видеть пепелище, она и без того натерпелась. Следак двери открывает, ни на шаг не отходит. Сам понимаю, малышку придется расспросить о случившемся. Второй девочки здесь нет. Она все еще у этих тварей, а значит, в смертельной опасности. Каждая минута может стать решающей, не говоря о часах и днях. Но ребенок не готов отвечать на вопросы, точно не в том ключе, как будет спрашивать Афанасьев.

– Ты очень смелая девочка. Ника такая же смелая, как ты? Она была с тобой? – пытаюсь помочь. Кивает, маленькая умничка. – А здесь вы тоже были вместе? – мотнула, закрывается. С каждым вопросом становится сложнее. Не хочу, чтобы она возвращалась в ужасающие воспоминания. Но выбор невелик. – Ты осталась здесь одна, потому, что ее забрали? – Губы дрожат, сейчас разревется. Ненавижу себя за это. – Ты очень, очень смелая девочка. А я вот самый настоящий трус. Знаешь, кого я боюсь? Котов!

На входе врачи, оперативно сработали. Женщина лет сорока пытается забрать ребенка, но безуспешно: в шею вцепилась так, что ручонки побелели. Приходится идти в карету «Скорой помощи» дружным составом.

– Вика, ты должна нам помочь. Помнишь, кто вас забрал? Как он выглядел? Во что был одет? – спрашивает следак, как только врачи приступают к осмотру. – Нам очень нужно, чтобы ты описала этого человека. Мужчина? Женщина?

– Афанасьев, – рычу я. Если сейчас не заткнется, врежу. Но по моему взгляду и без того понятно. Да, это его работа, сам понимаю, насколько ее показания важны. Но нельзя так в лоб, она маленькая совсем, первый класс. Недаром по закону необходимо присутствие родителей и детского психолога. – Солнышко, кто у нас тут потоп устраивает? – чего и следовало ожидать. Малышка зажалась, в локоть уткнулась, сквозь рубашку чувствую, как по личику слезы катятся. Слава богу – вот и «Мерседес» последней модели, едва не сбивающий по пути все столбы. Должно быть, родители. Сообщили радостную новость, торопятся. Я бы на их месте гнал с наименьшей скоростью. – Смотри, кто это там такой? – указываю на выбегающую из машины молодую женщину. Узнала. Слезы ручьем потекли. Теперь можно, мама пожалеет, успокоит, укроет от всего самого страшного. – Беги к ним...

– Вика, доченька... – Женщина подхватывает ребенка, к груди прижимает, зацеловала. За ней отец, в охапку своих девочек зажимает. Он больше не отпустит, не отведет взгляд. Всегда начеку будет. Я бы был... Сердце сжимается, больно смотреть. Как и тем двоим, что

в стороне стоят. Вместе приехали, две семьи, родители. Но второй девочки здесь нет, и радость за первую не может пересилить отчаянье и страх за своего ребенка...

– Спасибо, – подходит к нам отец. – Мне сказали, что вы нашли мою дочь. Я ваш должник...

– Шурик нашел, – хлопаю его по плечу. – Ей нужно в больницу, вы должны быть рядом. Вероника – очень смелая девочка. Вам очень повезло, что ее нашли живой, цените это. Мою дочь спасти не успели.

– Мне жаль, – только и может выдать он. Чистая ложь. Неумышленная, люди привыкли так говорить. Самое неискреннее выражение, не несущее в себе никакого смысла. Сейчас этот человек думает только об одном. Он вновь сможет взять свою малышку на руки, поцеловать на ночь, рассказать сказку. Сложно винить его за это.

– Пап, все хорошо, я же рядом, – берет меня за руку Люська. Да, все хорошо, наверное, это так. Но я бы отдал все на свете, чтобы сейчас оказаться на месте этих родителей. Прижимать галчонка к груди, чувствовать теплоту маленьких ручек на шее и любоваться, как жена зацеловывает свою малышку и плачет от радости...

– Роман Михайлович, Григорий Константинович, там, внизу... – подбегает Шурик, запыхался. – Там голоса. Если это похитители...

– Группа, за мной, – машет рукой оперативникам. – А ты, Макаров, остаешься здесь. Ты не полицейский, это наша работа.

– Еще чего, – мотаю головой. Размечтался. Я здесь как раз за тем, чтобы убить этих тварей, он мне в этом не помешает. – Если хочешь, чтобы я помогал дальше, будем работать вместе. Я иду с вами.

– Ладно, напарник, – усмехается он. – Но держись за мной и не лезь. Мы лучше знаем свою работу. Они могут быть вооружены. Не в моих интересах, чтобы тебя подстрелили.

Глава 8

Ошибка

Засада. Голоса доносятся приглушенно, сложно разобрать речь, но звук точно идет снизу. Не походит это на дионей. Они незаметные, тихие создания, прячутся от лишних глаз. Эти, напротив, шумят. Кажется, что-то похожее на смех. Точно, смех. Мужской басистый смех. Они в паре метров от нас, на уровень ниже. В полу должен быть проем. Доски однородные, плотные, кроме метрового квадрата возле ног Шурика. Вот же идиот, не зря его следак шпынует! Важный, позу боевую занял, пистолет из кобуры вытащил, а сам на крышке стоит.

– Эй. – Толкаю в плечо Афанасьева, взглядом на доски указываю. Сразу понимает, сам искал, я первым заметил.

– В стороне держись, – велит он и кивает на стеллажи. Я не против. Устраивать разборки с людьми их работа, тварей, которые забрали Люську, здесь нет. – На счет три открываем, – кивает своим. Бойцы без единого слова люк обступили, автоматы наготове держат. Не хотел бы сейчас по другую сторону оказаться. Впрочем, на их месте я уже был. На кладбище, когда могилу дочери раскапывал. Непросто такое забыть. – Три! Стоять. Руки над головой!

– Капитан? – раздается голос из темноты. Фонарики в глаза светят, так и ослепнуть недолго. – Свои, капитан. Младший лейтенант Медведев.

– Чтоб меня, – опускает пушку Афанасьев. Ребятам отбой дает. Сценка из анекдота. – Какого лешего здесь делаете?

– Так как же, – теряется младший лейтенант. – Ваш приказ, поисковая группа. Мы от детской площадки идем, вода спала.

– Вторая группа? – уточняет следак.

– В трех километрах разделились, правая ветка Андреевой, мы по левой пошли. Следов детей нет.

– Дебилы вы, вот и нет. Девочки были здесь, одну нашли, живая. Их по канализации привели, – качает головой Афанасьев, на меня косится. – Что думаешь?

– Вика провела здесь пару дней, – пожимаю плечами я. В системе водоотведения дионей давно уже нет, дожди уничтожили улики. К тому же десятки разветвлений. Если бойцам что-то удастся найти, большая удача, но шансы крайне малы.

– Вот и я о том же, – вздыхает Афанасьев, ему не нужно объяснять, сам понимает. – Ладно. Продолжайте поиск, доложите, если что найдете. Мы в отделение, допросим поджигателя, может, что видел. Поехали, Макаров...

Нет! Хватит. Я слишком устал. Эта девочка, счастливая семья, слезы той женщины... Я не могу. Это их работа, меня к такому не готовили! Зачем я вообще здесь? Спасать чужих детей? Найти тварей, сотворивших это с моим ребенком? К черту все! Свою дочь я спасти не смог, и мечь не изменит прошлое... Док говорил, что я должен принять, а вместо этого я, как обезьянка на привязи, делаю, что говорят, иду, куда скажут. Но и это не главное. Не хочу продолжать, пока от меня еще что-то осталось. С каждой такой вылазкой я теряю себя, сам не знаю, как объяснить, но что-то внутри ломается. Нужно остановиться.

– Отпусти меня к Алёнке, я должен ее увидеть, – вместо задуманного выдаю я, сам от себя не ожидал. Глупо! Но видимо, это то, чего я хочу на самом деле.

– Гриша. Брось. Не стоит, – качает головой он, и это он еще не в курсе, какая изначально была просьба. Но в глазах обеспокоенность. Я настолько паршиво выгляжу, или дело в моей жене? С ней что-то не так? Она в больнице? У нее генетическое заболевание, если оно начало прогрессировать... Нет, не может быть. Алёнка еще слишком молода. Мысли начинают завыв-

вать. Афанасьеву нет смысла скрывать, только если не сочтет, что я не смогу быть полезен... – Эй, ты в норме?

– Мне нужно ее увидеть, черт возьми! Она моя жена! – Я толкаю его в грудь. – Ты не понимаешь, на месте матери Вики должна была быть она! Это мою девочку мы должны были спасти... Найти живой! Просто... Отпусти меня к жене.

– Ты не заключенный. – Он протягивает мне ключи от машины. Удивил, не ожидал от него. – У Алены Игоревны другая семья, больно ты ей сделаешь. Но сам решай, я не тот, кто может подобные советы раздавать. И давай без глупостей, начальству не понравится, если узнают, что псих по городу без присмотра разгуливает. – По плечу хлопает. – Да, и за голубцы твоей жене буду признателен. Уж больно вкусные. Ключи от квартиры в бардачке.

– Спасибо. – Я в самом деле признателен, широкий жест. Прав у меня с собой нет, да и документов в целом. Гаишники остановят, так неприятности Афанасьеву разруливать. Знает, что рискует, по закону я все еще пациент психиатрической клиники, и все же отпустил. В другой жизни мы могли бы стать хорошими приятелями, может, даже друзьями. Но это в другой жизни, а в этой я наконец увижу Аленку... – Ну что, малышка, готова ехать к маме? – поворачиваюсь я к Люське, как только колымагу завел. Галчонок неуверенно кивает, растерялась, боится, столько лет прошло. – Доченька, мы едем домой, выше нос!

Знакомые улицы, аллея с березами, забитая парковка с наставленными в два ряда автомобилями. Вот он! Наш дом с нарисованными на всю стену дельфинами... Как же я скучал по всему этому. Машино-место найти будет непросто, но мне уже все равно, останавливаюсь прямо под инвалидкой. Нехорошо это, никогда так не делал, но сейчас все равно. Гаишники во дворах редкие гости, к тому же машина ментовская, мигалки за стеклом, не заберут.

Галчонок притих, в окно пялится, ни звука не издала. Понимаю, самому страшно до жути. Нет, это не тот страх, пробиравший до костей, он гораздо глубже. Неизвестность пугает похлеще всех известных миру страшилок. Конечности немеют, в горле ком... Нужно собраться! Вот же тряпка! Ее даже дома может не быть. Сам хотел увидеть, а теперь что? На глаза попадает тоненький силуэт в зеленом пальто. Я бы узнал его из сотен тысяч. Она... Моя Аленка... Сидит на детской площадке с книжкой в руках. Светлые волосы в хвост собрала, плечи сутулит. Сколько раз я ей говорил, осанку нужно держать прямой, спина заболеть может...

– Алена... – Даже не осознаю, как ноги несут навстречу. Машину, кажется, на сигналку запереть забыл. – Одуванчик... – Оборачивается. Как же она красива, ничуть не изменилась. Все та же девочка, в которую я влюбился еще студентом. Нет. Только не слезы на глазах. Невыносимо видеть. – Мой одуванчик... Только не плачь. – Я сгребая ее в охапку что есть сил. Едва на ногах стоит, руки на плечи опустила, дрожит. Как же я долго этого ждал... Ни слова выдать не могу, да и что говорить, она сама все знает. Уверен, что знает, иначе бы не плакала сейчас, не жалась так.

– Гриша... Что ты тут... – не успевает договорить она. Тело тяжелеет. Обморок. Я держу, ни за что не выпущу. Она моя, всегда была моей.

– Мамочка! – отрезвляет меня детский голосок. Мальчонка, года четыре, подбегает, за руку Аленку трясет. – Мама! Мамочка, что с тобой? – теряется, на меня глазенки поднимает. Боги, как же он похож на Люську, только волосы светлые. – Дяденька, что вы с моей мамой сделали?

Шок. Другими словами не опишешь. Да, я знал, что у Аленки есть сын, слышал его голос по телефону, но это сходство, возраст... Мы не планировали, а что, если? Этот мальчик мой?

– С ней все хорошо, не переживай. Это просто диффузное снижение мозгового кровообращения. Она потеряла сознание, обморок, – выдаю я первое, что приходит в голову. Что я несу? Он еще совсем маленький, чтобы понимать такую чушь. Мысли путаются. Неужели у меня действительно есть сын... Мой сын? Изнутри ломает, но нужно держаться, не напугать.

Не так я представлял нашу встречу с Аленкой. Но это лучшее, что могло произойти, лучик надежды, мой путь к свету. Главное, все не испортить. – Я... Я Гриша, друг твоей мамы. С ней все будет хорошо. – Укладываю жену на скамейку, ноги кверху приподнимаю. Должно помочь, не мог перепугать. Или мог? Идиотизм! Это азы физиологии, каждый школьник знает. – Так кровь быстрее прильет к мозгу, и она очнется.

Мальчонка с любопытством наблюдает, но оборону держит, настоящий защитник растет.

– Если мама не очнется, я позвоню дяденькам полицейским! – Он достает телефон, набирает 102. Умный пацаненок, быстро сообразил. Точно мой, иначе быть не может.

– Егор, не нужно никуда звонить, все хорошо, просто голова закружилась, – подает голос Аленка. Глаза открыла, бледная, дрожит, но улыбается, старается улыбаться, пугать малыша не хочет. – Давайте поднимемся в квартиру...

– Я помогу. – Подхватываю ее под поясицу, но она не позволяет, глаза в асфальт опустила. Все не так. – Алена...

– Не нужно, Гриша, пожалуйста. – На ресницах блестят слезы. Сколько же боли я ей причинил, смотреть на меня не может. Под землю готов провалиться, но такая роскошь непозволительна. Я виноват перед ней, сам знаю. Но этот мальчик, наш мальчик! Это наш шанс все вернуть. Кольца на пальце нет, значит, не замужем, хоть Афанасьев и говорил, что у нее другая семья. Если существует какой-никакой муж, то гражданский, а это не значит равным счетом ничего. Мы должны попробовать. Она простит, сможет простить, хотя бы ради нашего сына. – Пойдемте, на нас и так все смотрят.

До боли знакомый подъезд, лифт, пятнадцатый этаж. По телу дрожь пробегает, как только на глаза попадает номер 245. Вот она, квартира, в которой мы были счастливы, проживая каждый божий день.

– Мамоchка, ты холошо себя чувствуешь? – спрашивает мальчуган. Совсем малявка, «р» не выговаривает, но видит, что с мамой что-то не так, понять пытается.

– Конечно, солнышко. Беги в комнату, поиграй, нам с дядей нужно поговорить. Хорошо? – улыбается она, в лоб целует. Егор на меня косится, но слушается, маме перечить нельзя. Она лучшая, всегда была самой лучшей, а вот я тот еще идиот... – Чай? Я поставлю чайник...

Нервничает, пальто на пуфик бросила, взгляд так ни разу не подняла.

– Алена, стой, – останавливаю ее я у самой кухни. – Почему ты не сказала? Я знаю, как вас подвел, тебя, нашу дочь... Но Егор... Он мой сын.

– Нет, Гриша. Егор не твой сын, – отвечает она.

– Чушь это. Мой! Он копия Люськи, и возраст! – Мотаю головой. Нет, не верю, врет! Ему года четыре, она не могла так скоро найти себе кого-то. Не после смерти дочери. Она не из тех женщин, которые смогут изменить, предать все, что есть. Но я понимаю. Она защищается, все это время меня не было рядом. Я не смог защитить галчонка, подвел ее... Но сейчас я здесь, я докажу. – Сколько ему? Четыре с половиной?

– Нет. Ему еще нет четырех. Через месяц исполнится, – отвечает она шепотом. – Пожалуйста, только не кричи, ты его напугаешь. – Все не сходится, это какая-то шутка. Голова закипает. Я провел в психушке пять лет, наш сын должен быть старше... Она не могла, не верю, не могу поверить. – Я заварю чай...

Иду за ней, как в тумане. Этот мальчик был надеждой, лучиком света, а выходит... Что из всего этого выходит? Что моя жена изменяла мне? Документы о разводе она подала только через год после суда. Нет. Я знаю ее как никто другой, она не могла. Чистейший ангел во плоти, в чем-то наивная, доверчивая... Девочка, которая верит в любовь в прогнившем донельзя мире. Она любила меня со всеми плюсами и минусами, принимала таким как есть. И сейчас любит. Я вижу это в каждом движении, отведенном взгляде. Может быть, я все еще в пси-

хушке? Может быть, все это и есть мой собственный делирий, и никаких пропавших детей нет, а я настолько спятил, что не отдаю себе отчета в том, что происходит на самом деле?

– Если не я его отец, тогда кто? – Нервы не выдерживают. Нужно мягче, спокойнее, она и так на грани истерики, но сил нет. Я начинаю выходить из себя, злость закипает. Убить готов, не ее, того придурка. Но от самого себя становится страшно. Я не был таким, никогда. Что они сделали со мной в этой чертовой больнице? – С кем ты спала, пока еще была моей женой?

– Не смей! Ты не можешь, я не заслуживаю. – И вот она уже плачет. Не выношу ее слез. Стыдно, как язык повернулся? В морду бы себе дать, да только не исправит это сказанного. – Зачем ты пришел? Это мой сын, только мой, и все!

– Прости... Одуванчик, – обнимаю сзади, вырывается, но не позволяю уйти. Не отпущу, в ушко целую. Ей всегда нравилось, да и сейчас притихла, не шевелится, только носом шмыгает. – Ты не заслуживаешь и никогда не заслуживала. Прости дурака. Девочка моя любимая...

– Я не знаю, кто его отец, как и кто та женщина, что его родила, – шепчет она еле слышно. – Я усыновила его три года назад. Прошу тебя, не говори так громко. Он не знает. Егорка мой сын, и я люблю его больше жизни.

– Ты усыновила его? – Ответ одурманивает. Не знаю, как на это реагировать. Егор приемный, но как же сходство? В дверях Люська пожимает плечами, смотрит на фотографию мальчонки. Дети действительно похожи. Но... У паренька ямочки на щеках. Ни у меня, ни у Аленки их нет и никогда не было, как и у Люськи. Генетика. Как я не заметил? Да и не хотел замечать. Этот ребенок мог стать лучиком света, но послужил началом конца. С душевнобольным мужем она бы никогда не получила разрешения на усыновление. Но к одиноким женщинам, потерявшим своего ребенка, комиссия благосклонна. Пазл сложился, вот только общая картинка не радует. – Поэтому ты подала бумаги на развод? А мы? Как же мы? Наша дочь. Ты убрала все ее фотографии!

– Мы? Гриш, нас нет. – Она впервые поднимает на меня глаза. – Больше нет. Мы умерли, когда погибла Люся, когда ты выкопал ее тело, когда бегал за монстрами вместо того... Ты действительно не понимаешь? Мы потеряли дочь, ты был нужен мне. Я... Если бы не Егор, я бы уже покончила с собой! Пузырек со снотворным стоял на столе, я все решила, написала прощальное письмо тебе, родителям. А потом эта газета и статья о младенце, выброшенном в мусорный контейнер! Ты хоть представляешь, скольких мне усилий стоило заставить поверить комиссию, что я буду лучшей мамой для этого мальчишка! Он спас меня, и я сделала все, чтобы спасти его. И делаю. Через месяц у меня свадьба. У Егора будет полная семья, которую он заслуживает. – Она замолкает, и я вижу, что хочет сказать что-то еще, но не может. Она к этому давно готовилась, каждый раз не решаясь. Я сам заставил, вытряс всю боль наружу, стоило мне сюда прийти. – Я любила тебя, Гриша и сейчас люблю, но нас больше нет, как и нашей дочери. Мы должны жить дальше. Я нашла свой смысл и искренне желаю, чтобы ты нашел свой.

– Ты с ним счастлива? С тем человеком, за которого собираешься замуж? – Грудную клетку разрывает. Следак был прав, прийти сюда было ошибкой. Я в очередной раз причинил боль женщине, которую люблю. Эгоист, я даже не представлял, через что ей пришлось пройти, пока я отлеживался в психушке. Аленка сделала нечто прекрасное, на что у большинства людей не хватило бы сил. Она не сдалась после всего пережитого, посвящая себя совершенно чужому пищащему комочку, ставшему родным. – Я его знаю?

– Нет. Он хороший человек, заботится о нас. Любит Егорку, – вскользь отвечает она. – Нам хорошо с ним. Прости меня, Гриша. Я...

– Глупенькая, – мягко целую ее в лоб. – Тебе не за что просить прощения, это все моя вина. Какое-то время поживу у Афанасьева, пока идут поиски. Если тебе что-нибудь будет нужно... Хоть что...

– Я знаю, Гриша, спасибо. Он оставил адрес, – кивает Аленка, глаза в пол. – Это и твоя квартира, ты можешь остаться здесь. Переезд займет пару дней. Слава давно хотел, чтобы мы перебрались к нему, но я была... – Она замолкает. Была не готова, вот что хотела сказать. Оно и понятно, это ее дом, и навсегда им останется. Все та же чистая, наивная девочка. Но от этого еще больше. Раньше она видела во мне благородного рыцаря, теперь все иначе. Неужели она действительно думает, что я могу выгнать их с сыном из своего жилья? – Мы продадим квартиру, если ты захочешь. Все будет по закону.

– Нет, выбрось эти мысли из головы. Я никогда так не поступлю. К тому же после завершения дела я вернусь в больницу, а дальше подыщу что-нибудь. Тебе не нужно об этом переживать.

– Мы хотели выпить чаю. – Всплескивает руками, чтобы скрыть смущение. Мотаю головой, к себе прижимаю. Ей неловко, как и мне сейчас. Не стоит продолжать, сделаем только хуже.

– Мне пора, я был рад тебя увидеть.

– Возьми. – Сует мне пятьдесят тысяч в карман. Это не откуп, хочет помочь, знает, что денег у меня нет. Она и попрошайкам всегда помогала, что говорить о бывшем муже. – Пожалуйста, возьми.

– Нет, Ален, не нужно, – мотаю головой я. Но в такие моменты ее стойкости любой может позавидовать. Не сдастся. – Спасибо, я отдам.

– Те пропавшие девочки, – осторожно спрашивает она. Ей страшно узнать правду, страшно вспомнить прошлое. Но своим приходом я и так вернул ее в тот самый кошмар, который она отчаянно пыталась забыть. – Это дело связано с... Люсей?

– Да. Следователь считает, что да. Мы нашли одну из девочек, сегодня. Она жива.

– Ты нашел? – Голос дрожит, но она уже знает ответ. Если бы не этот факт, Афанасьев не отпустил бы меня к ней. – Найди вторую... Если кто и сможет, то это ты.

– Алена, – опускаюсь на колени я. – Я должен был спасти нашу дочь. Прости меня.

– Она с тобой? Ты ее видишь? – Я киваю, но выдать ни слова не могу. – Она такая же, как была? Или старше? Сейчас она тоже здесь?

– Да. Ей все еще семь, и она ничуть не изменилась. Любит рисовать, постоянно поет, – улыбаюсь я, глядя на галчонка.

– Передай ей, что мама очень сильно ее любит, – почти не слышно, проглатывая слова, произносит она. – И пусть заботится о тебе, она всегда о тебе заботилась, о нас... Хоть и была совсем маленькой.

– Она знает.

Дверь в прихожей открывается. Аленка поняла, кто пришел, отстраняется от меня, виновато взгляд отводит. Значит, женишок.

– Алена, Егорка, я купил роллов. Твоя любимая «филадельфия» и острый соус, – раздастся мужской голос. Не ошибся. Кулаки сами сжимаются. Не любит моя жена роллы, никогда не любила! Ни черта этот придурок ее не знает. Вот же! Нужно держать себя в руках. – Милая, у нас гости? Добрый день, Вячеслав, а вы...

– Слав, это... – теряется жена. – Это Гриша, мой бывший муж.

– Приятно познакомиться, – протягивает руку мужчина. Нужно бы ответить, но гордость не позволяет. Молча стою как истукан, в камень остается превратиться. Высокий, лет 40, плюс-минус, светлые волосы. Дорогие часы говорят о статусе, но одежда простая, поношенные джинсы и свитер. На секунду закрадывается сомнение, что Егор может быть его сыном, но нет. Никаких ямочек на щеках. Мы не встречались прежде, первое впечатление производит неплохое, но я на подсознательном уровне его ненавижу. – Алена говорила, что вы помогаете следствию в поисках детей? Трагическая ситуация, особенно если учитывать все обстоятельства. Соболезную вашей утрате.

– Да, разумеется, – киваю. – Алена. Мне пора, спасибо за чай. Рад был тебя увидеть.

Остается молча уйти. Давно пора было, до прихода этого... козла. Мальчонка из комнаты нос высовывает, Люськиной комнаты. Любопытный. Всегда хотел, чтобы у нас родился еще один малыш. Решили не спешить. Наверное, это и стало нашей ошибкой.

Глава 9

Моя реальность

Не помню, как вышел из квартиры, как оказался в баре, просяживая деньги, которые дала бывшая жена. Афанасьев наверняка в бешенстве, наряд на мои поиски отослал. Мне дорого обойдется такая выходка, но, кроме бутылки скотча и маленькой баночки газировки, меня сейчас мало что волнует. В голове картинкой застыл разговор с Аленкой, каждая фраза, движение, взгляд, а дальше пустота. Слишком часто начал выпадать из реальности, может, стоит обсудить это с доком? Стоп! Что-то всплывает, я прошелся ключом по крылу машины Вячеслава. Серебристый «Порш Панамера», припаркованный возле подъезда. Или я что-то надумал? Откуда я могу знать, какая у него машина? Район у нас новый, в хорошем расположении, но среднестатистический, на люксовых автомобилях не ездят. Дьявол! Брелок! Я видел брелок «Порше» на столике в прихожей. Я действительно сделал это. Глупость, но гордость за содеянное возрастает, к тому же градус сказывается. Он еще легко отделался. Самому страшно признаться, но я готов был его убить. Если бы жены и Люськи не было рядом.

Так, а где Люська? Я не видел ее, как ушел из квартиры. Что, если она решила остаться с мамой? Нет. Если бы могла, то давно бы поселилась в нашей квартире. Психиатрическая больница не самое завидное место, к тому же папаша со съехавшей кукушкой. Нас что-то связывает. Научных объяснений этому нет. Квантовая механика, изучающая законы движения микрочастиц, до сих пор пытается объяснить феномен призрака, доказать его существование. Но успехов, увы, с этим пока нет. Тут два варианта, либо возрастное ограничение бара 18+ работает не только для людей, но и привидений, либо я настолько пьян, что мозг не способен к восприятию фантастически-иллюзорных образов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.